

«В августе 1941-го»: Неизвестное письмо А.Р. Лурии в США как зеркало ревизионистской революции в историографии русской психологии

Ясницкий Антон¹

Неаффилированный исследователь, Торонто, Канада

e-mail: anton.yasnitsky@gmail.com

Ламдан Эли

Еврейский Университет в Иерусалиме;

Израильское Интер-университетское Сотрудничество по исследованию России и Восточной Европы, Израиль

e-mail: eli.lamdan@gmail.com

Аннотация. Последнее десятилетие ознаменовалось серией исследований по истории русской психологии, которые дали основания говорить о «ревизионистской революции в выготсковедении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), то есть в такой области исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников. Данная статья дает краткий обзор этих исследований и иллюстрирует исследовательский потенциал "ревизионистского поворота" на примере неизвестной переписки А.Р. Лурии с его американским коллегой, датированной августом 1941 г. В статье представлено, в переводе с английского, письмо Лурии, содержание переписки между его американскими контр-агентами и ответ Лурии адресата письма Хораса Каллена (1882-1974). В заключение дается краткое обсуждение этих и других архивных документов Лурии и Выготского с точки зрения ревизионистской методологии исследования и в контексте стремительно набирающей ход ревизионистской революции в историографии русской психологии.

Ключевые слова: Лурия, Выготский, выготсковедение, круг Выготского-Лурии, архивы, документы, переписка, ревизионизм, ревизионистская революция, изоляционизм, транснационализм, Вторая мировая война, демократия, транснациональная история

---

¹ С подавляющим большинством других работ этого автора, доступных в виде в виде полнотекстовых публикаций, можно познакомиться на его персональной странице в Сети: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>

“In the August of 1941”: Alexander Luria’s Unknown Letter to the USA in the Light of Revisionist Revolution in the Historiography of Russian Psychology

Yasnitsky Anton

Unaffiliated researcher, Toronto, Canada

e-mail: anton.yasnitsky@gmail.com

Lamdan Eli

The Hebrew University in Jerusalem;

The Israeli Inter-University Academic Partnership in Russian and East European Studies, Israel

e-mail: eli.lamdan@gmail.com

Abstract. The recent decade is characterized by the explosion of studies in the history of Russian psychology that are best described as the “Revisionist Revolution in Vygotsky Studies” (see: Yasnitsky & Van der Veer, 2016). By “Vygotsky Studies” we mean such field of research that critically scrutinizes the scientific legacy of Lev Vygotsky (1896-1934), Alexander Luria (1902-1977) and the circle of their closest associates known as the “Vygotsky-Luria Circle”. This article briefly overviews these critical studies and provides an illustration of the potential of the “revisionist turn” with the unknown correspondence between Luria and his American peer Horace M. Kallen (1882-1974). Luria’s letter was composed in August 1941, and is published herein translation into Russian. In conclusion, I briefly discuss this letter and other archival documents of the kind from the standpoint of the methodology of revisionist research and in the context of the revisionist revolution in the making in the historiography of Russian psychology.

Keywords: Luria, Vygotsky, Kallen, Vygotsky Studies, Vygotsky-Luria Circle, archives, documents, correspondence, revisionism, revisionist revolution, isolationism, transnationalism, World War II, democracy, transnational history.

Десятилетие, прошедшее между сто десятой и сто двадцатой годовщинами до дня рождения Льва Выготского (т.е. период 2006-2016 гг.), ознаменовалось целой серией новых исследований по истории русской психологии², которые дали основания говорить об «архивной революции» [124], а затем даже и о

---

² Под «русской психологией» здесь понимается тот свод идей, текстов, экспериментальных и социальных практик, который напрямую завязан на, условно говоря, «психологические» публикации на русском языке, вне зависимости от географической расположенности, национальности или институциональной аффилиации их авторов. Таким образом, с известной натяжкой переводная литература на русском языке и производные от нее теории, дискусы и практики также включаются в такое расширительное понятие «русской психологии».

«ревизионистской революции в выготсковедении» [126], то есть в такой области исторических, текстологических, методологических и теоретических исследований, которые ставят своей целью критическое изучение научного наследия Л.С. Выготского (1896-1934), А.Р. Лурии (1902-1977) и круга их сотрудников, или же, иными словами, так называемого «Круга Выготского-Лурии» [122, 125]. Что же представляет собой эта «ревизионистская революция в выготсковедении»?

Ревизионистская революция в выготсковедении³

Призыв к созданию «выготсковедения» как особой области знания впервые прозвучал еще в начале 1980х гг. [37] и изначально подразумевал ревизионизм традиционной историографии. И в самом деле, согласно задумке авторов идеи «выготсковедения», эта область знания должна была возникнуть в первую очередь в качестве реакции на каноническую, т.е. уже сложившуюся к тому времени, историографию «школы Выготского» как историю «тройки» Выготского, Лурии и А.Н. Леонтьева и их научного наследия. Лучков и Певзнер возражают против правомочности выстраивания в одну линию этих трех имен как основателей единой научной традиции, обращают внимание читателя на складывающуюся не столько историографию, сколько мифологию, связанную с именем Выготского, и призывают к критическому и ревизионистскому подходу к истории и теории психологии:

«Наш вводный тезис сводится к утверждению необходимости максимально развернутой реконструкции теоретических взглядов Выготского – к созданию «выготсковедения» как актуальнейшего теоретического направления в развитии советской психологии. На этом пути необходимо получить ответ на целый ряд вопросов, попутно преодолевая начинающие складываться мифы о Выготском. В первую очередь нас должны интересовать, по меньшей мере, ответы на следующие вопросы: 1) как следует изучать Выготского? 2) что сделал в психологии и чему научил психологов Выготский?» [37].

И тем не менее, сравнительно до недавнего времени литература была небогата такими исследованиями ревизионистского толка. Как удачные, но, к сожалению, редкие исключения можно упомянуть работу Радзиховского конца 1980х, в которой тот дает разбор тех идей Выготского, которые, по мнению

---

³ Общий обзор «ревизионистской революции в выготсковедении» был дан в тексте, озаглавленном «Ревизионистская революция в выготсковедении и наследие Выготского в 21 веке» и подготовленном в качестве пленарного доклада для его публичного представления в отсутствие автора на юбилейной конференции памяти Выготского, прошедшую в ноябре 2016 года на ряде площадок в Москве. С содержанием этого текста можно ознакомиться в Интернете по адресу [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2016\).%20REVpaper_RUS.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2016).%20REVpaper_RUS.pdf).

автора, являлись его инновацией в психологии, но при этом замечает, что «несмотря на свою эвристичность и перспективность, данная программа Л.С. Выготского не была принята и реализована в отечественной психологии. Самые разные авторы – от А.Н. Леонтьева до К.А. Абульхановой-Славской – критиковали Л.С. Выготского за то, что мы назвали его исходными допущениями» [40, с. 129]. Очевидно, что такая оценка идет вразрез с широко распространенным мнением, что Выготский заложил основы советской психологии, а его новаторское наследие получило свое творческое развитие в трудах русских психологов последующего периода. Более того, вопреки хвалебным заявлениям об успешном развитии теории Выготского, характерным для канонической историографии, Радзиховский склонен подвергать сомнению не только утверждение о дальнейшем развитии, но и сам факт наличного существования такой законченной и разработанной теории: «марксистскую психологию начали интенсивно разрабатывать, но в 40—70-е гг. существенного углубления в этом вопросе достичь не удалось. В самом деле, не случайно ведь советские психологи в своих методологических рассуждениях неизменно возвращаются к работам Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна, написанным еще в 20—30-е гг. Очевидно, что с тех пор равнозначных теоретических решений поставленных тогда методологических проблем в советской психологии так и не создано. Другое дело — как оценивать сами эти решения. Здесь можно видеть проработанный, логически законченный вариант (варианты) марксистской методологии психологической науки, а можно — лишь первые подступы к проблеме» [40, с. 125]⁴.

Еще одна работа ревизионистского толка, также несомненно не потерявшая актуальности и в наши дни и также заслуживающая пристального внимания, вышла в первой половине 1990х гг. В ней ее автор затронул целый ряд тем в жизни, образе мысли и наследии Выготского, детальное развитие которые получили лишь в совсем недавних ревизионистских исследованиях, посвященных, среди прочего, еврейскому вопросу в раннем творчестве Выготского, его критическому литературоведческому наследию, и перекличке его идей с психоанализом. В завершение, автор формулирует вывод, звучащий вполне современно и чуть ли не кощунственно для иных поклонников Выготского и в наши дни: «Л. С. Выготский не был одиноким героем из нищезанско-большевистской мифологии; тем более не был он мессией, ниоткуда явившимся спасти психологию и сразу нашедшим в ней верных апостолов. Это был человек культуры, интеллектуал, действовавший в основном русле современных ему эстетических, философских, политических и

---

⁴ См. текст в Интернете: <http://www.voppsy.ru/issues/1988/881/881124.htm>

просто жизненных идей. Не родоначальник новых принципов, взявший их из недр своей одаренности, а один из представителей самых модных течений, владевших умами своего поколения. Не вундеркинд, родившийся марксистом, а литератор пост-символистской эпохи, пришедший к психологии и марксизму по сложным и характерным путям. Не “Моцарт психологии”, а человек своего времени, удачно приложивший его культурный опыт в новой и неожиданной области» [49, с. 54]⁵.

Таким образом, мы видим, что на протяжении 1980х и 1990х гг. существовали, хоть и немногочисленные, но постоянные попытки ревизии традиционного нарратива о Выготском, который выстраивался по модели не критически-хвалебного и агитационно-пропагандистского повествования о Льве Семёновиче, Отце-Основателе, Учителе, Великом Человеке и Ученом (все эпитеты сознательно приведены с большой буквы, согласно нормам пропагандистского канона). И тем не менее, реальный прорыв произошел лишь в 21 веке. Исследования и публикации в этом ключе можно условно разделить на несколько групп. Именно эти исследования и составили базу и реальное воплощение ревизионистского поворота в выготсковедении, которые, собственно говоря, и позволили ему сформироваться как особой области знания, международно известной и признанной во всем мире как *Vygotsky Studies*.

Во-первых, важный прорыв состоялся благодаря смещению исследовательского фокуса с фигуры, личности и наследия Выготского на обширный научный коллектив и неформальную сеть контактов, известную в литературе как «круг Выготского», а точнее – как «круг Выготского-Лурии». В этих исследованиях представлен «выготскианский проект» не как плод ума «одинокое гения психологии», Великого Человека, Нашего Учителя и т.п., а как сетевой проект и результат мультидисциплинарной и разнонаправленной работы географически распределенного и сравнительно мало координированного коллектива исследователей из нескольких десятков человек—сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии как в Советском Союзе, так и за его пределами [122, 125, 127]⁶. Минимальной, ядерной единицей анализа при таком подходе становится дуэт Выготский – Лурия, хотя, несомненно, эта пара исследователей, научных и общественных деятелей при всей их важности для всего проекта далеко не определяет всего объема и масштаба этого проекта в его целостности.

---

⁵ См. текст в Интернете: ⁵ <http://www.voppsy.ru/issues/1993/934/934037.htm>

⁶ Наиболее полный список имен сотрудников и единомышленников Выготского и Лурии опубликован в Приложении к книге, вышедшей под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера: *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London and New York: Routledge, 2016.

Во-вторых, ревизионистская революция не смогла бы состояться без «архивной революции», произошедшей в ряде исследований, выполненных, начиная с 2006 г., параллельно в РФ и за рубежом на материалах архивных документов, обнаруженных в частных и ведомственных архивах в РФ, Восточной и Западной Европы и в Северной Америке. Среди наиболее заметных собственно архивных исследований и публикаций следует отметить серию работ, выполненных Е.Ю. Завершневой (отчасти в соавторстве) на материалах, обнаруженных в личных архивах семьи Выготского и опубликованных преимущественно в журнале «Вопросы психологии»; см., напр., [15, 21–26, 28, 135–137]. Завершает эту линию архивных исследований публикация избранных заметок и записных книжек Выготского в виде комментированного тома на русском [27] и английском языке [138]. Другой исследовательский проект, также стартовавший в 2006, был реализован в архивах Украины на материале документов, относящихся к коллективу сотрудников Выготского, Лурии и Леонтьева, работавшему в Харькове в довоенные годы [54, 55, 60, 131, 132]⁷. Примечательны сравнительно более редкие работы, проведенные на материале архивов Лурии, например, исторические исследования и комментированные издания архивных документов [1, 7, 35, 36, 61]⁸. В последнее время начинают также появляться публикации, выполненные на основе неопубликованных документов Выготского и Лурии из западных архивов за пределами РФ [62, 126], в том числе, например, небольшой очерк о франкофонной статье Лурии по дефектологии, опубликованной в Париже в 1936 г. [106]. Также весьма примечательно и недавнее диссертационное исследование о «теоретической истории» революционной «романтической науки» Александра Лурии, выполненное с привлечением обширного набора архивных документов и защищенное Ханной Проктор в Лондоне в 2016 г. [113]⁹. Интересно также и развитие этой работы в журнальных публикациях [114]. К исследованиям этого рода логически примыкает серия исторических и текстологических работ, посвященная сравнительному анализу текстов Выготского в переводе на английский [118, 119] и в их публикациях в оригинале, то есть на русском

⁷ Все тексты доступны в Интернете на странице первого автора: <http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/>

⁸ См. некоторые источники в Интернете:

https://www.academia.edu/7529463/Комментарии_к_2_документам_из_архива_А.П.Лурии ,

<http://psyjournals.ru/kip/2012/n2/52531.shtml> ,

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_VopPsy_4.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_VopPsy_4.pdf) ,

http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf

⁹ Proctor, Hannah (2016). Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's 'Romantic science'. Unpublished PhD thesis, Birkbeck, University of London; см. в Интернете: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/> ; окончательная версия полного текста диссертации:

<http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/1/PhD%20Current%20FINAL%20with%20corrections.pdf>

языке [23, 28, 29, 93–95, 110, 134]. Связаны с ними, но стоят несколько особняком, исследования по истории создания текстов Выготского, основательно перевернувшие наши традиционные представления о хронологии [57, 120] и даже подлинности тех или иных текстов, традиционно приписываемых Выготскому [14, 17, 33, 41, 68]. Логическим итогом этих работ стала подготовка и публикация самой актуальной и наиболее полной на сегодняшний день библиографии работ Выготского на шести языках, вышедших при жизни автора или сразу после его смерти, вплоть до конца 1930х г. [121].

В-третьих, огромный вклад в ревизионистское движение в выготсковедении внесла ревизионистская историография России и Советского Союза периода нескольких последних десятилетий (в частности, работы Ш. Фитцпатрик, С. Коткина, Д. Хоффмана, М. Дейвида-Фокса, Н. Кременцова, А. Кожевникова, Д. Тодеса и мн. др.), которая основательно перевернула и существенно обогатила наши традиционные представления о советской и русской науке как социальном институте, взаимоотношении власти и общества, научных исследований, идеологии и пропаганде, локальных и международных процессов и явлений, и т.п.¹⁰ При всех важности всех этих работ, в этом контексте следует особо выделить программную и классическую монографию Кременцова под названием «Сталинская наука» (Stalinist science). Этой книге в 2017 г. исполняется уже двадцать лет с момента ее выхода в издательстве Принстонского университета [102]¹¹. И тем не менее, судя по ссылкам, темам и проблемам, представленным в современной русскоязычной историографии, эта работа, обязательная к ознакомлению любого историка русской и советской науки межвоенного периода (т.е. 1920х-1930х гг.), до сих пор остается не прочитанной русскоязычным исследовательским сообществом, что и предопределяет по меньшей мере и по самым оптимистическим оценкам двадцатилетнее отставание русскоязычной историографии психологии и смежных дисциплин от большинства ее международных (в первую очередь, англоязычных) аналогов. Так или иначе, именно эти работы вдохновили исследования истории советской психологии и, в частности, круга Выготского-Лурии в ревизионистском ключе. Так, например, в совсем недавних работах была проведена критическая переоценка истории русской психологии от начала

---

¹⁰ Краткий обзор нескольких ревизионистских волн в историографии России и СССР см. в Дмитриев А. Н. "Академический марксизм" 1920-1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое литературное обозрение. № 88. 2007. С. 10—38, см. в Интернете <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html> ;

¹¹ С более детальным описанием литературы и ссылками на конкретные работы, в т.ч. на их полнотекстовые версии в Сети можно ознакомиться в программном тексте «Ревизионистская революция в историографии русской психологии: От "репрессированной науки" и "теории деятельности" к транснациональной истории интегративной психологии»: http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky_2013_2016.pdf

20 века вплоть до наших дней как, с одной стороны, сравнительной дисциплинарной истории психологии и смежных дисциплин [66]¹², а с другой стороны, с точки зрения, ее реализации в рамках «сталинской модели науки», установившейся к концу 1930х и, хоть и с существенными изменениями, но все же сохранившейся в Российской Федерации наших дней [67, 70, 128]¹³. Критическому пересмотру подверглась и широко распространенное, но документально никаким образом не подтвержденное мнение, согласно которому работы, наследие и имя Выготского находились под административным запретом в годы сталинизма. Недавнее исследование документов, архивов и публикаций того времени показало, что если и имеет смысл говорить о «запрете на Выготского», то не о юридическом, а фактическом, и не во времена сталинизма, а гораздо позже: в 1960е-1970е гг., когда номинальные и самопровозглашенные «ближайшие ученики и соратники» Выготского занимали руководящие позиции на вершине административно-научной пирамиды в Советском Союзе и, по совместительству, международных ассоциациях психологов [80, 81].

В-четвертых, особую группу работ составляют критические и ревизионистские исторические исследования концептуально-теоретического свойства. К их числу следует отнести важнейшие, но еще не в полной мере оцененные по достоинству работы в области лингвистики и психолингвистики, подвергнувшие радикальному пересмотру вклад Лурии и Выготского в построение теории сознания, культуры и языкового мышления. В этих работах ставится под сомнение модель Выготского, согласно которой речь проходит в своем развитии фазы от внешней и социальной через приватную к внутренней речи и, далее, собственно мышлению [91], а также подвергается разгромной критике исследование развития логического мышления под влиянием изменения производственных отношений при переходе от феодального строя к социалистическому в результате коллективизации в Средней Азии в начале 1930х гг., которое там в полевых условиях проводил Лурия (под заочным руководством Выготского) [88]. Наконец, в русле этой же традиции лингвистических исследований была проведена критическая работа под заглавием «Переосмысливая Выготского: Критическое прочтение культурно-исторической теории Выготского и ее использования в современных исследованиях» (*Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship*). Это

---

¹² См. текст в Интернете:

[http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Disciplinary_Draft.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Disciplinary_Draft.pdf)

¹³ См. тексты в Интернете (в хронологическом порядке их публикации):

<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html> ; <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf> ;

диссертационное исследование было подытожено в виде двухсотстраничной рукописи и сравнительно недавно защищено в университете Гонконга [139]. Все эти работы современных лингвистов представляют большой интерес, а их значение и вклад в ревизионистское выготскоеведение ещё только предстоит оценить и осмыслить. Из числа историко-методологических и историко-теоретических работ следует также отметить критические исследования достижений Лурии-Выготского в ходе полевых исследований в их среднеазиатских экспедициях 1931 и 1932 гг. и в последующем оформлении результатов этих исследований в научных публикациях [18, 34, 65, 72, 87, 105, 107, 112]. Фундаментальным представляется открытие, которое не только выявляет постепенное сближение в методологии проведения эмпирических психологических исследований, но и растущее на протяжении межвоенного периода теоретическое сходство между работами советских научных работников круга Выготского-Лурии и исследованиями немецко-американских ученых, известных как представители психологического направления гештальт-психологии (Макс Вертхаймер, Курт Коффка, Вольфганг Кёлер, Курт Гольдштейн, Курт Левин и мн. др). В некоторых публикациях последнего времени этот укрепляющийся альянс между советскими и германо-американскими психологами и сближение их теоретических позиций был назван «началом большой дружбы» и получил несколько дискуссионное наименование «культурно-исторической гештальт-психологии» [62, 126, 129].

Таким образом, «ревизионистская революция в выготскоеведении» (Revisionist Revolution in Vygotsky Studies), зародившаяся еще в критических работах начала 1980х, окончательно оформилась как широкое международное научное движение и набрала полный размах к середине 2010х, свидетельством чему недавняя публикация программной коллективной монографии под редакцией Ясницкого и Ван дер Веера [133], встретившей большую поддержку ведущих мировых специалистов¹⁴. Так, например, Питер Смагорински (Peter Smagorinsky), председатель специальной профильной группы по культурно-историческим исследованиям Американской Ассоциации по исследованиям в области образования (Chair, Cultural-Historical Research Special Interest Group of the American Educational Research Association, 2012-2014) и профессор Колледжа Образования Университета Джорджии (College of Education, The University of Georgia, USA) оценивает эту программную монографию как «бесценный том с публикацией интеллектуального проекта по освоению теории Выготского и ее применению к современным проблемам в новых контекстах».

---

¹⁴ Самый недавний обзор этой книги, сделанный в марте 2016 года, см. в Интернете: <http://clayspinuzzi.com/2017/03/reading-revisionist-revolution-in-vygotsky-studies/>

Энди Байфорд (Andy Byford), профессор отделения русского языка и культуры Университета Дарема (Department of Russian, the School of Modern Languages and Cultures, Durham University, UK), подчеркивает, что авторы и редакторы монографии «вступают в острую полемику с 'культизмом' в выготсковедении, базируя свои ревизионистские аргументы на оригинальной исторической реконструкции и деконструкции наследия Выготского в Советском Союзе, пост-советской России и в мире. Это собрание исследований проливает новый свет на историю рецепции и продвижения Выготского и его 'школы'». Александр Эткинд (Alexander Etkind), в самом недавнем прошлом профессор Кембриджского университета, а в настоящее время профессор по истории отношений между Европой и Россией отделения Истории и Цивилизации Европейского университета во Флоренции (Mikhail M. Bakhtin Professor of History of Russia-Europe Relations, Department of History and Civilization, European University at Florence, Italy) в своей рецензии на книгу напоминает нам, что «Лев Выготский — это один из тех титанов в психологии, которые были исключительно неверно и несправедливо представлены. Утонченно культурный и глубоко политизированный автор, Выготский творчески объединил фрейдистские и троцкистские влияния, находя источник для собственного вдохновения в психологии развития и языкознании. Эта книга предлагает основательный пересмотр наследия Выготского, неизбежный для любого, кто читает Выготского и следует за ним как психологом». Фернандо Гонзалес Рей (Fernando Luis González Rey), бразильский ученый кубинского происхождения, прошедший аспирантуру в московском Институте общей и педагогической психологии (ныне: Психологический институт им. Щукиной), бывший президент Общества психологов Кубы (1986-1989) и декан психологического факультета и проректор Университета Гаваны (1990-1995), а в настоящее время профессор Университета г. Бразилиа (Universidade de Brasília), приходит к заключению, что «эта книга одновременно опровергает мифы и в то же время кладет основания современному изучению классических работ Выготского». Александр Метро (Alexandre Metraux), исследователь, аффилированный с Архивами Анри Пуанкаре в Нанси (Archives Henri Poincaré, Nancy, France), и сотрудник Института Отто Зельца Университета г. Мангейм (Otto-Selz Institut für Angewandte Psychologie, University of Mannheim, Germany), ссылаясь на ряд публикаций Ван дер Веера, Завершневой и Ясницкого, составивших костяк книги, как на серию «парадигматических работ, проведенных на основе солидных архивных, текстологических, лексикологических и социо-исторических исследований» утверждает при этом, что «эти исследования парадигматичны еще и в ином смысле. Их авторы

осознали, наконец, что прежде накопленное знание о работе и жизни Выготского отчасти ограничено, и что необходим свежий взгляд вкупе с использованием новых методов исследования, которые не были использованы еще с 1935 г. (скрупулезное изучение архивных источников, методы филологического анализа, переосмысление развития наук с точки зрения анализа политических и общественных процессов, историческая контекстуализация). Это означает, что в не столь отдаленном будущем выготсковедение, весьма вероятно, подтвердит то, что я предвидел еще в начале 21 столетия, а именно: они подтвердят, что мой подход к тому, что я наивно называл 'культурно-исторической школой советской психологии', оказалось, принадлежит к холодному и бездвижному прошлому».

Все эти отзывы, которые можно найти на обложке книги [133], при всей их краткости, вполне информативны и дают неплохое представление о географическом охвате «ревизионизма в выготсковедении» и поддержке ревизионистскому движению среди известных и авторитетных исследователей Бразилии, Великобритании, Германии, Италии, США и Франции. В этой связи нельзя не упомянуть то обстоятельство, что расширенная испаноязычная версия монографии, была подготовлена при непосредственном участии и поддержке исследователей из Аргентины, Бразилии, Испании, Мексики и Чили и вышла в середине 2016 г. [130]. Это свидетельствует о том, что ревизионистское движение в настоящее время охватило не только Северную Америку, Западную Европу и, отчасти, Россию, но также Латинскую и Южную Америку. Это издание было расширено за счет блока статей испаноязычных авторов, которые представили свои исследования развития и канонизации «выготскианства» в испаноязычном мире [71, 84, 85]. В этих работах мы видим транснациональную историю психологии как деятельность научных и общественных активистов левого толка, зачастую членов местных Коммунистических партий или, по крайней мере, явных (или скрытых) сторонников той или иной версии марксизма как политического (реже: философского) течения современной общественной мысли. Эти новые публикации обогащают наше представление об образе Выготского как «марксистского мыслителя» и о его международной популярности (по крайней мере, за пределами США) именно в таком качестве. В совокупности с другими исследованиями транснационального выготскианства и истории развития культа Выготского международным научным сообществом [19, 38, 81-83, 86, 109, 111, 119] эти исследования намечают самую новую и актуальную область историографического исследования наследия Выготского и Лурии как истории международной рецепции, социального конструирования и транснациональной циркуляции

научного знания. Эта книга предваряется также вводной главой с анализом «ревизионизма в выготсковедении», написанной преимущественно с позиций испаноязычного научного сообщества.

И тем не менее, наиболее полное и обстоятельное на настоящий день описание ревизионистского проекта можно найти во Введении в книгу [101]. Его автор — известнейший исследователь и пропагандист наследия Выготского на Западе, Алекс Козулин, сотрудник и академический координатор Института Фейерштейна в Иерусалиме (Academic Coordinator of the International Department at the Feuerstein Institute, Jerusalem, Israel), автор классических книг, например, по истории советской психологии [97], интеллектуальной биографии Выготского [98] и выготскианскому обучению и образованию [99, 100], а также автор, пожалуй, наиболее известного и распространенного перевода «Мышления и речи» Выготского на английский язык (1986). Предваряя возможные вопросы читателей относительно введения термина «ревизионистская революция» с точки зрения культурно-исторической психологии, Козулин раскрывает, в чем состоит вышеупомянутый подход и дает его описание содержания отдельным вводящим текстом, который мы не имеем возможности здесь опубликовать целиком, но позволим себе лишь несколько существенных цитат.

В своем Введении Козулин утверждает, что «основным инструментом, используемым авторами для деконструкции выготскианского культа, является очень насыщенный социальный и идеологический анализ соответствующих периодов советской истории. Авторы идентифицировали и описали следующие факторы советской жизни как фундаментальные для понимания механики советской академической жизни и ее отражения в различных текстах: централизация и контроль, клановая ментальность, ритуальность, разрыв между теорией и практикой, интеллектуальный изоляционизм, культизм и агиографичность. Обсуждение этих факторов существенно обогатило наше понимание контекстов, в которых в реальности действовали советские психологи, работники сферы образования и медицинские работники» [133, с. xii]. Далее, Козулин подчеркивает, что «вдобавок к детальному обсуждению социального контекста жизни в СССР, авторы предлагают нам информативный пример исследования взаимоотношений между выготскианцами и их зарубежными коллегами на Западе; конкретно: представителями школы гештальт-психологии» [133, с. xiv]. И вправду, последняя из трех секций книги посвящена обсуждению вопросов «холизма и транснационализма», что лишней раз свидетельствует о принципиально транснациональной ориентации ревизионистского движения, как по географическому составу его участников,

так и по охвату исследовательских тем. Козулин указывает, что «читатели также найдут полезным детальное обсуждение проблем публикации и перевода, которые ассоциируются с текстами Выготского» [133, с. xv]. В целом, обсуждение этой проблематики во многом лежит в русле систематического изучения специфики рецепции и социального конструирования научного наследия Выготского в Советском Союзе и в мире за пределами «железного занавеса», как это уже указывали другие комментаторы (см., например, отзывы Байфорда и Метро, выше). На этом общий обзор ревизионистского движения можно завершить, а заинтересованные читатели приглашаются к ознакомлению с программной коллективной монографией [133], а также и с конкретными ранее опубликованными исследованиями, доступными не только на английском или испанском, но и в значительной мере также и на русском языке.

Сенсационные открытия в архивах Лурии, Выготского и др.: Письмо Лурии в США в августе 1941 года

Данная публикация продолжает собой череду «ревизионистски-революционных» работ по изучению истории, методологии и научного наследия круга Выготского-Лурии и, в известном смысле, знаменует собой начало нового этапа научной работы, выходящей на уровень организованного и системного исследования изучаемого культурно-социального и научного феномена в его историческом развитии во всем мире. Тем не менее, задачи, поставленные авторами в данной конкретной статье, посвященной одному весьма частному вопросу, гораздо менее глобальны и системны. На суд читателя предлагается одно, но вполне сенсационное открытие. Сенсационным это открытие делает в первую очередь широко распространенное — но, как мы понимаем, ошибочное — убеждение, что, начиная с ранних 1930х и до середины 1950х гг., советская психология как научная дисциплина в ее социальном функционировании была по политическим причинам отрезана от международных научных процессов. Впрочем, этот взгляд был основательно подвергнут сомнению в цикле сравнительно недавних публикаций на тему «изоляции советской психологии», вышедших преимущественно на русском языке в журнале «Вопросы психологии», в которых было показано, что советские психологи — как сообщество научных деятелей в целом — стремились (и во многом вполне небезуспешно) к поддержанию двухсторонних контактов со своими коллегами в Западной Европе и в Америке вплоть до начала Второй мировой войны в 1939 г. [56, 58, 59, 61-65, 106, 107, 112, 113, 129]. В целом, можно утверждать, что международные связи советских

психологов вполне вписываются в общий исторический тренд, согласно которому контакты между советскими и западными интеллектуалами продолжались и развивались на протяжении двух межвоенных десятилетий, хотя и сравнительно в меньшей степени в предвоенный период второй половины 1930х [20, 77, 103, 104, 117]. И тем не менее, до сих пор казалось непреложной истиной то положение, что никаких контактов между советскими психологами и их западными коллегами во время Второй мировой войны (1939-1945) не было. Наши недавние находки, сделанные в ходе исследовательской работы в различных архивных коллекциях государственных и частных организаций и ведомств, принципиально опровергают и это положение.

В коллекциях документов крупных исследовательских организаций таких как Американский еврейский архив¹⁵ и YIVO Еврейский научный институт¹⁶ мы обнаружили обширную переписку между Хорасом М. Калленом и, с другой стороны, Лурией и Выготским, продолжавшуюся на протяжении 1929-1934, но прервавшуюся ориентировочно в начале 1934 г. и возобновившуюся на регулярной основе уже после смерти Выготского, в послевоенный период во второй половине 1950х. В связи с этим разрывом в активных контактах между корреспондентами тем более примечательным представляется письмо Лурии Каллену, датированное 26 августа 1941 г. Таким образом, это письмо было написано через два года после подписания Договора о ненападении между гитлеровской Германией и сталинским СССР (нем. Deutsch-sowjetischer Nichtangriffspakt) и фактического начала Второй мировой войны, а с другой стороны, через два месяца после начала боевых действий на территории Советского Союза, проходивших в результате нарушения этого Договора и вторжения немецких войск 22 июня 1941 г. Иными словами, письмо Лурии было написано через два месяца после начала Великой Отечественной Войны.

Адресат письма, Хорас М. Каллен (Horace M. Kallen) (1882-1974) – совершенно легендарная фигура и воистину ренессансный персонаж, сочетавший в себе таланты и ипостаси сына ортодоксального раввина в Германии, выпускника и лектора Гарвардского университета, американского философа, еврейского мыслителя и активного общественного деятеля, профессора престижного нью-йоркского университета Новая школа социальных исследований (The New School for Social Research), крупнейшего

---

¹⁵ American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers.

¹⁶ “Yidisher Visnshaftlekher Institut”; YIVO Institute for Jewish Research [YIVO], New-York: Horace M. Kallen Papers

American Jewish Archives [AJA] (The Jacob Rader Marcus Center of the American Jewish Archives at the Hebrew Union College-Jewish Institute of Religion [HUC-JIR]), Cincinnati, OH: Horace M. Kallen Papers

американского сиониста и активного сторонника культурного плюрализма [96, 115]. В настоящий момент трудно сказать наверняка, при каких именно обстоятельствах состоялось – скорее всего, заочное – знакомство Лурии и Каллена, но вполне достоверно известно, что их первая очная встреча произошла в ходе визита Каллена в Москву, прошедшего как часть его путешествия по Ближнему Востоку (Египет, Палестина), Восточной Европе (Польша) и СССР весной 1927 г.. Впечатления Каллена о путешествии были опубликованы два года спустя в книге, вышедшей под названием «Территории свободы» (*Frontiers of Hope*) в нью-йоркском издательстве Хораса Лайврайта (*Horace Liveright*), где обсуждение его путешествия в Советский Союз занимает последнюю, третью часть книги. В книге Каллена сохранилось даже курьезное описание его визита к «блестящему молодому ученому с наиболее стремительным интеллектом из всех, кого он встречал в России», который устроил в его честь званый обед «в комнате, в которой он и его жена Верочка спали и готовили пищу, и ели, и работали» [92, с.289]¹⁷. В этом описании мы безошибочно угадываем портрет Лурии, женатого в ту пору на Вере Николаевне Благовидовой (1903-1993)¹⁸, которая, как и Лурия, в 1923 г. переехала из Казани в столицу и с которой они вместе жили в съемной комнате в Москве.

Итак, в августе 1941 г. Лурия после некоторого перерыва в их переписке пишет Каллену новое письмо и тем самым инициирует возобновление их контактов. Приводим здесь полный текст этого письма¹⁹:

26 августа, 1941

Д-ру Хорасу М. Каллену

Нью-Йорк

Новая школа социальных исследований

Мой дорогой Др. Каллен

Прошло немало времени с тех пор, как прервалась наша регулярная переписка; теперь же я возьму на себя смелость воспользоваться любезностью редактора нью-йоркского [издания] *P.M.*, который нанес визит в нашу клинику, — и я надеюсь, что это письмо дойдет до Вас в разумные сроки.

---

¹⁷ В оригинале: «A brilliant young scholar with the swiftest mind I met in Russia gave me dinner in the room where he and his *Verotchka* slept and cooked and ate and worked».

¹⁸ По имеющимся у нас сведениям, брак с Благовидовой продлился до 1930 года.

¹⁹ Все архивные документы, приведенные здесь полностью или процитированные в русском переводе, хранятся в архивной коллекции YIVO.

Мы сейчас вовлечены в совершенно ужасную войну; вся наша культура, наши труды и жизни в большой опасности; мы тяжело работаем, – прекрасно понимая, что завтрашний день может принести нам новые и новые трудности и невзгоды. Но все советские люди и русские ученые вполне уверены, что эти месяцы пройдут и принесут [нам] победу в этой великой битве с фашизмом и варварством, и мы счастливы видеть обе наши страны в союзе в этой битве.

Я много работаю над проблемами мозгового поражения, которые заняли несколько последних лет моей жизни. Я планировал еще раз побывать в США, – и приглашение прочитать Салмоновские Лекции делало этот визит возможным, но война нарушила планы, и несколько моих томов [стр. 2] на тему психологического анализа мозговых поражений сейчас ожидают своей публикации.

Тем не менее, я надеюсь, что наступит время, когда я смогу повидать Вас снова, и что это будет то время, когда демократия действительно положит конец варварству.

Прошу Вас передать мой привет Вашему семейству, и уверяю Вас, что мы в эти трудные дни продолжаем работать так же интенсивно, как мы работали и ранее, и, – я бы сказал, – даже гораздо более интенсивно.

Буду рад получить новости от Вас и буду ждать Ваших писем.

Искреннейше Ваш,

[подпись] Ал Лурия²⁰.

Письмо было запечатано в конверт с фабрично изготовленным обратным адресом Лурии в Москве на английском языке в левом верхнем углу конверта²¹.

---

²⁰ В оригинале (орфография, стилистика, орфография и пунктуация автора сохранены без изменений):

«My dear Dr Kallen,

It is a long time our regulary [sic] correspondence was interrupted; now — I take the liberty in using the kindness of the Editor of the New York "P.M." who visited our clinic, — and hope that this letter will reach you in right time.

We are now in the middle of the most terrific war; our whole culture, our works and lives are in great danger; we are working hardly [sic] — knowing quite well, that the next day can bring us new and new difficulties and troubles. But the whole soviet [sic] people and russian [sic] scientists are quit [sic] sure, that this months [sic] will pass and will bring victory in this great fight against fascism and barbarism, and we are happy to see our both countries to be together in this fight.

I am working hardly [sic] in [sic] the problem of brain injuries which occupied my last few years. It was my plan to visit USA once more — and the invitation for Salmon Memorial Lectures made it possible but the war interrupted it, and several volumes on [page 2] psychological analysis of brain injuries I have accomplished are now waiting for their publication.

I hope — nevertheless — time will come when I shall be able to meet you again, and that will be the time when democracy will make a real end of barbarism.

Please tell my compliments to your family, and be sure that in these hard days we are working so intensively we used to do formerly, and — I should say — much more intensive [sic].

I should be glad to receive news from you and will wait for your letters.

Very sincerely yours,

[signature] Al Luria»

²¹ Адрес отправителя, как он указан на конверте:

«Prof. Alexander R. Luria

13 Frunse St.

Адрес получателя был подписан рукой Лурии на конверте²². И, наконец, судя по почтовому штемпелю, письмо было отправлено из городка Миллертон в штате Нью-Йорк (Millerton, NY) в 3 часа вечера 20 октября 1941 г. Таким образом, письмо дошло до получателя не ранее конца октября того же года, т.е. через два месяца после написания. Такая задержка с отправкой письма совершенно закономерна, если принять во внимание, что Лурия писал письмо по поводу встречи с американским журналистом, издателем и редактором газеты, который, как мы понимаем, вызвался перевезти это письмо в своих личных вещах и отправить его по указанному адресу в Нью-Йорк лишь по возвращении домой после поездки в Советский Союз (и, вполне возможно, еще в какие-то другие страны). Можно предположить, что, несмотря на потерю во времени, это был наиболее надежный способ отправки письма в ту пору, когда активные военные действия разворачивались и на суше, и на море (в частности, в Атлантическом океане), а регулярная и надежная почтовая связь между странами была нарушена.

Moscow, U.S.S.R.»

²² Адрес получателя, как он указан на конверте:

« Dr Horace Meyer Kallen

New School of Social Research

New York City»

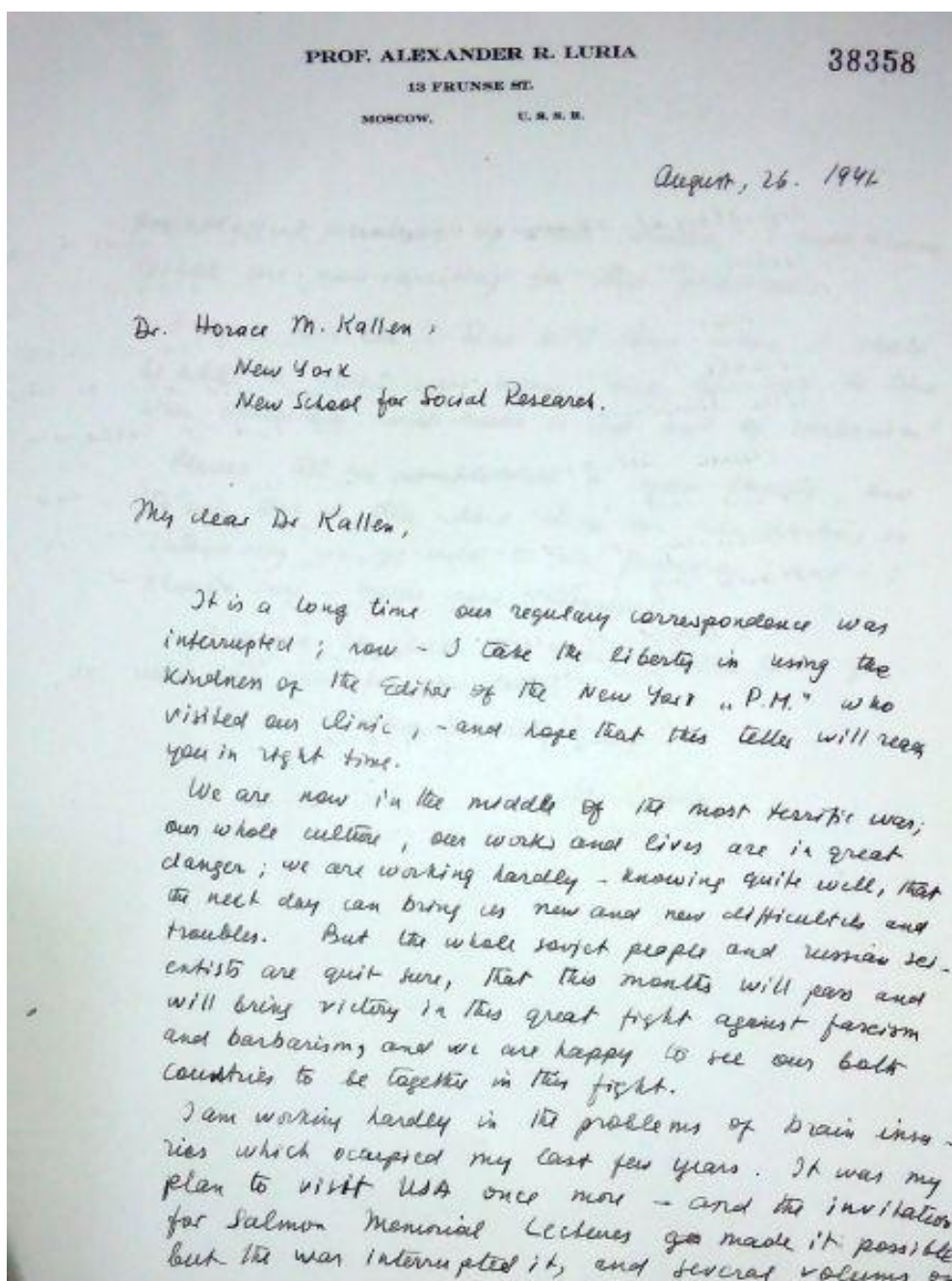

Рис. 1. Первая страница письма Лурии Каллену от 26 августа 1941 г.

Так или иначе, письмо в конце концов дошло по адресу, указанному на конверте. Об этом мы знаем из последовавшего обмена письмами между фактическим отправителем письма, Ральфом Ингерсоллом (Ralph Ingersoll) и его адресатом, Хорасом Калленом. Так, в своем письме от 31 октября Каллен подтверждает получение письма Лурии, выражает радость, что Лурия, вопреки его опасениям, не был уничтожен в ходе одной из сталинских «чисток» и просит своего корреспондента поделиться подробностями о встрече с Лурией и его работе. Ральф Ингерсолл (1900-1985), журналист и редактор ежедневной

нью-йоркской газеты левого толка *PM*²³ [90], в своем письме от 11 ноября ответил, что у него было рекомендательное письмо к доктору Гращенко²⁴, с которым он имел возможность пообщаться дважды в ходе его исключительно интересного визита в клинику. Впечатления от этого визита, как сообщает Ингерсолл в своем письме, были отражены в его заметке под названием «День в русском госпитале для пациентов с ранениями головы» (*A day in Russian hospital for head wounds*), но, по мнению автора, эта заметка не очень информативна, так как его основной задачей было в первую очередь передать общее ощущение атмосферы там. Что же касается Лурии, то Ингерсолл не нашел, что сообщить по поводу его жизни и работы кроме того, что научная и практическая работа в этой клинике ведется в высшей степени интенсивно, и что дисциплина и боевой дух среди работников госпиталя исключительно высоки. В контексте нашего обсуждения темы гипотетического «изоляционизма» советской психологии особенно интересна заключительная ремарка Ингерсолла: «У меня осталось впечатление, что все эти доктора высоко ценят их связи с внешним миром, о чем я сужу как по разным мелочам, которые звучали в разговоре со мной, так и по тому факту, что стены их рабочих кабинетов были буквально покрыты изображениями их друзей и коллег за границей»²⁵.

В ответ на это письмо пару недель спустя Каллен отправил два своих. Оба письма датированы 28 ноября 1941 г. И если первое письмо, адресованное Ингерсоллу, было вполне вежливым по форме, но малосодержательным, то второе представляет для нас определенный интерес, хотя бы по той причине, что оно было адресовано Лурии и, вероятно, в какой-то момент — раньше или позже — было им получено. Письмо Каллена приводится полностью ниже:

²³ Комментарий: название издания передается здесь латинскими буквами, «p.m.», и это название, по мнению историков и биографов, по всей видимости, было образовано как обозначение того, что газета выходила во второй половине дня, т.е. *post meridiem*.

²⁴ Имеется в виду Гращенков (Проппер-Гращенков), Николай Иванович (1901-1965), в 1937-1939 г. первый заместитель и исполняющий обязанности наркома здравоохранения СССР, член-корреспондент АН СССР (1939), академик АМН СССР (1944) и АН БССР (1947), в 1947-1951 г. президент АН БССР, а в 1959-1961 г. — заместитель Генерального директора Всемирной организации здравоохранения. С октября 1935 по февраль 1937 г. находился в научной командировке в Англии и США. В период описываемых здесь событий Гращенков был директором института и заведующим первой клиникой Всесоюзного института экспериментальной медицины, а также консультантом по неврологии и нейрохирургии 33-й армии. Для Лурии Гращенков являлся не только вышестоящей инстанцией и научным администратором, но и единомышленником и, впоследствии, соавтором.

²⁵ В оригинале: «I had a feeling that all these doctors cherish their connections with the outside world – both from little things they said and from the fact that the walls of their offices were literally covered with friends and associates abroad».

28 ноября 1941

Мой дорогой Лурия:

С восторгом я разглядывал Ваш почерк и читал Ваше письмо. Я в высшей степени признателен редактору *PM* за то, что он доставил его мне. Я полностью разделяю Ваши чувства. Я бы отправил Вам кой-какие свои брошюры, из тех, что я написал по этому поводу, будь я уверен, что они до Вас когда-нибудь дойдут. Для меня война представляется повторением нашей Гражданской войны, в которой мы сражались здесь, в Соединенных Штатах в шестидесятые, но только в мировом масштабе. Суть, мне кажется, остается неизменной: свобода для всех людей в противоположность рабству для некоторых; единство всего человечества на основе равных свобод для разных народов, вне зависимости от расы, веры, половой принадлежности, цвета кожи или политических взглядов; возможности богатой и полной жизни — духовной и материальной— для всех. Мистер Ингерсолл написал заметку для *PM* о своем посещении вашей больницы, и добавил пару слов мне лично о его впечатлении от той самоотдачи, которую проявляют доктора в вашей клинике. Боюсь, что уже совсем недалеко то время, когда мы тоже будем в полной мере вовлечены [в боевые действия] в Тихом и Атлантическом океанах, и вот тогда уже все пойдет без остановки вплоть до полной и безоговорочной победы свободы. Я завидую доступной Вам возможности проводить конкретную работу по излечению сраженных в бою. К моему сожалению, я задержался только на стадии говорения.

Мы здесь много говорим о вас и в Бруклине, и в Нью-Йорке. Мы с нетерпением ждем счастливой возможности снова встретиться после победы, как ученые и как друзья. Я бы хотел предложить Вам организовать встречу вместе с нашими армиями в Берлине 4 июля 1943 г.

С наилучшими пожеланиями от всех нас,

[подпись]²⁶

---

²⁶ В оригинале:

«My very dear Luria:

It was a thrill to see your handwriting and to read your letter. I am more than grateful to the Editor of *PM* for having gotten it to me. I entirely share the sentiments you express. I wish I could send you, with some certainty that they would reach you, some pamphlets that I have written about the issue. To me the war seems a repetition of the Civil War that we fought here in the United States in the '60's on a world-wide scale. The issue seems to me to be the same: freedom for all men versus slavery for some; the unity of all mankind on the basis of equal liberty for different peoples, regardless of race, faith, sex or color or political opinion; the opportunity for a rich and abundant life, spiritual and material, for everybody. Mr. Ingersoll wrote a piece in *PM* about his visit to the hospital, and he added a word to me personally about his sense of the devotion of the doctors in the clinic. I am afraid it won't be long before we too are

Как и было сказано, у нас нет никаких сведений о том, получил ли Лурия это письмо, что, впрочем, совершенно не удивительно, если принять во внимание, что бóльшую часть войны начиная с октября 1941 г. он провел в эвакуации будучи руководителем крупного нейрохирургического эвакогоспиталя № 3120 в посёлке Кисегач Челябинской области. Должно было пройти еще полтора десятилетия для того, чтоб эта переписка возобновилась в полной мере. Таким образом, может показаться, что эти несколько писем, представленные в нашей статье, суть лишь частный и случайный эпизод: исключение, которое лишь подтверждает общее правило. Такой вывод был бы неверен по меньшей мере по двум причинам.

Во-первых, само содержание писем, их тон, неформальный характер и всевозможные детали разного рода свидетельствуют о том, что, по словам Каллена из его ответного письма Ингерсоллу от 28 ноября 1941 г., «люди науки в России стремятся к бóльшему миру, [т.е. к разнообразным международным контактам за пределами своей отдельно взятой страны,] так как они не были бы людьми науки, если б они не делали этого»²⁷.

Во-вторых, этот частный и, казалось бы, малозначимый эпизод приобретает совершенно другой смысл, если рассматривать его как одно лишь звено в цепочке других событий в жизни, карьере и интеллектуальном наследии его основных участников. И в самом деле, смена масштаба рассмотрения позволяет нам увидеть то, что осталось за рамками переписки середины-конца 1941 г. Это и последовавшая за встречей 1927 г. в Москве еще одна встреча Лурии и Каллена (и его семейства) в Америке в конце 1929 г. во время американского визита Лурии в США – попытку реконструкции поездки Лурии на IX Международный психологический конгресс в Йельском университете см. в [61]; и трансатлантическая переписка между Лурией, Выготским и Калленом начала 1930х и последовавшая в результате всех этих событий и при активном вмешательстве Каллена американская публикация книги Лурии 1932 г., вышедшая в переводе с авторским посвящением этого труда Хорасу М. Каллену [108]; и номинация Лурии 1939 г. на поездку в Нью-Йорк для прочтения престижных Салмоновских Лекций в Нью-Йоркской Академии

---

fully engaged in the Pacific and the Atlantic, and then there will be no stopping until the victory of freedom is complete beyond every possible challenge. I envy you the opportunity to do the specific work of healing in terms of the combat. I unfortunately remain in the talking stage.

We think and talk of you a great deal both in Brookline and in New York. We look forward to a happy reunion after victory, both as scientists and as friends. I would like to make an appointment with you to meet with our armies in Berlin on July 4, 1943.

With affectionate greetings from us all,

[signature]»

²⁷ В оригинале: «the men of science in Russia do yearn for a wider world, as they wouldn't be men of science if they don't».

Медицины и даже конкретные планы на осуществление такой поездки в 1940 г., прерванные началом войны; и, наконец, развитие этой истории в виде послевоенных встреч и контактов Лурии и Каллена в 1960е гг. [79]. Кроме того, обнаруженные нами архивные документы, такие как сенсационная переписка Выготского с его иностранным контр-агентом в лице Хораса Каллена—первая известная нам переписка такого рода этого автора, который, как ошибочно считалось до сих пор, предоставлял ведение всей иностранной корреспонденции по их совместным научным проектам своему ближайшему сотруднику и единомышленнику Лурии, – демонстрируют большое стремление Выготского к иностранным научным контактам и известности на международном уровне, а с другой стороны, и бесплодные обещания Выготского Каллену выслать в Америку рукопись какой-нибудь своей книги для публикации в переводе на английском языке (см. Иллюстрацию 2). Впрочем, это уже совсем другая история. Точнее, это целый ряд историй, которые, мы верим, уже в ближайшее время будут рассказаны на русском языке.

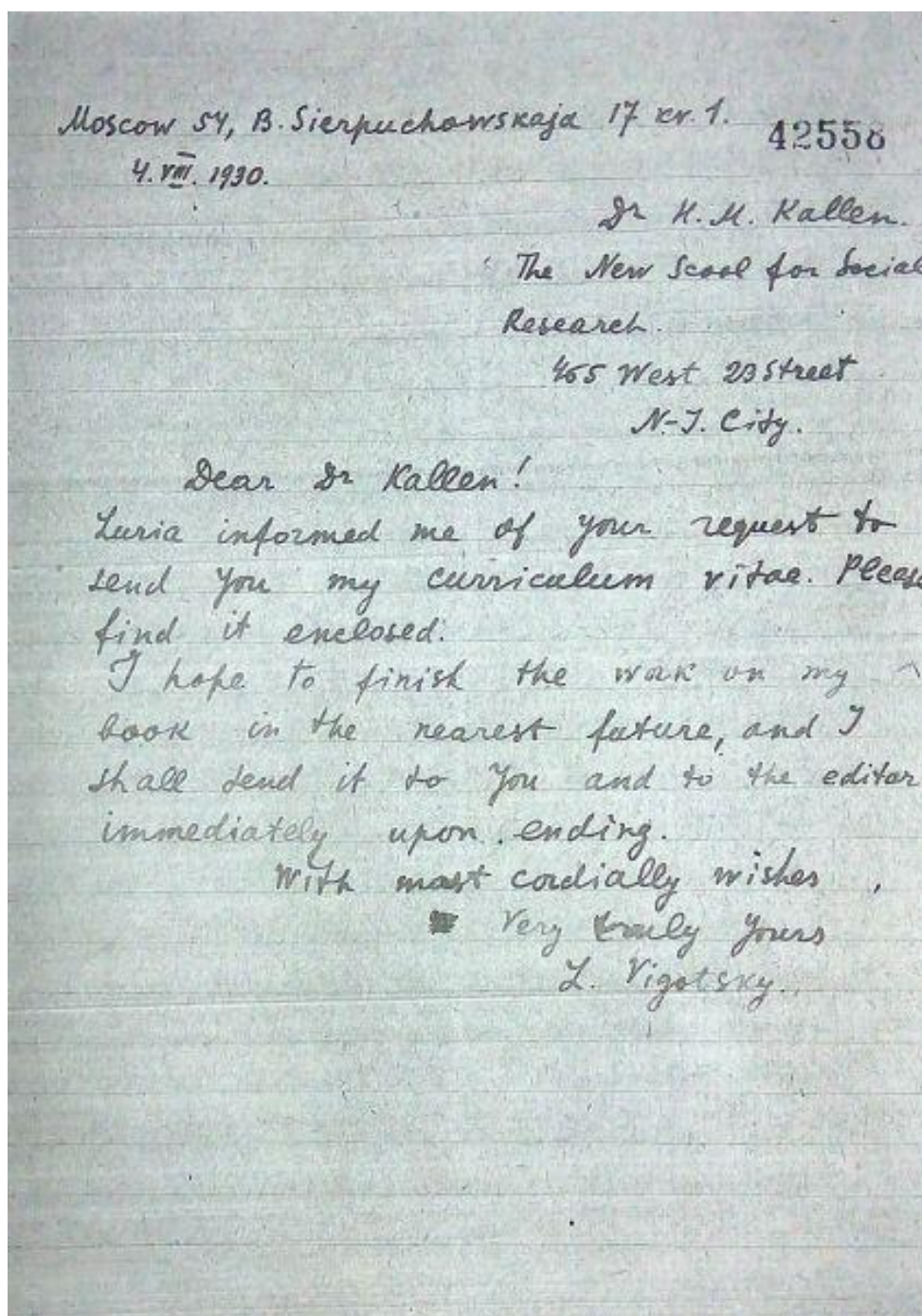

Рис. 2. Первая страница письма Выготского Каллену от 4 августа 1930 г.

Ревизионистская революция на марше: от выготсковедения к историографии русской психологии

Итак, ревизионистская революция в выготсковедении уже состоялась как международное научное явление и стремительно развивается в наши дни. Об этом шла речь в первой части этой статьи. И именно в рамках этого революционного движения становятся возможными микро-открытия и частные исследования, подобные нашему исследованию, представленному во второй части этой статьи. В этой – третьей и последней – части мы обсудим значение

ревизионистского поворота для историографии всей русской психологии (и смежных дисциплин), к которым нас подталкивает и даже обязывает свежая струя ревизионистских исследований, связанных с историей, текстологией и научным наследием круга Выготского-Лурии. В этой связи можно наметить две основные проблемные области, которые уходят своими корнями в традиционную историографию советского и позднесоветского периодов и существенно тормозят развитие современной историографии русской психологии. Надо отметить, что успешное преодоление застарелых консервативных тенденций уже наблюдается в целом ряде вполне удачных и интересных исследований, что позволяет нам говорить о ревизионизме в историографии русской психологии как о состоявшемся явлении, но не набравшем еще полного размаха в современных исследованиях. Третья часть этой статьи посвящена обсуждению этих проблем, с иллюстрациями тем или иным выдвигаемым на обсуждение положениям, взятыми из современной русскоязычной исследовательской литературы.

Первое. «Репрессированная наука»

Фраза «репрессированная наука», была введена в оборот в конце 1980х-начале 1990х с подачи М.Г. Ярошевского, и уже тогда, по воспоминаниям современника, она вызывала сомнения и критику как искусственный, не адекватный реальности теоретический конструкт. Вспоминает Кирилл Олегович Россиянов, кандидат биологических наук: «Я хотел бы вспомнить проект «Репрессированная наука», инициатором и организатором которого выступил М.Г. Ярошевский. Я участвовал в нем, записывал интервью с генетиками, пострадавшими от Лысенко. Помню, что тогда некоторые коллеги, историки науки, выказывали скепсис по отношению к идее «репрессированной науки». Дескать, разделение «ученые и власть» во многом искусственное, в этом есть схематизм, это – черно-белая картина истории, и на самом деле научное сообщество неоднородно, в нем есть ученые, сотрудничающие с властью, чтобы добиться каких-то своих целей в науке, и т. д.» [2, с. 188]. «Репрессированная наука» в наши дни вполне заслуживает весь тот «скепсис», о котором говорит Россиянов, причем помноженный на то время, которое прошло с тех пор, как идея «репрессированной науки», к превеликому сожалению, овладела массовым сознанием подавляющего большинства авторов и исследователей, занимавшихся историографией русской психологии и смежных наук.

Казалось бы, все в принципе верно: была наука, и были репрессии, и репрессиям подвергались ученые и даже целые научные направления и

дисциплины оказались под жестким давлением в результате административного вмешательства власти в дела науки. Примеров таких репрессий и административного вмешательства действительно много: это и осужденные и даже расстрелянные (в основном, в 1930е гг.) деятели науки и их родственники; были и постановления власти, тем или иным образом регламентирующие научную деятельность и академические свободы, и закрытия научных изданий и даже целых научных дисциплин (в сегменте психоневрологических наук наиболее ярким примером такого административного вмешательства является Постановление ЦК ВКП(б) от 4.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпросов²⁸). Преступления сталинизма не должны быть забыты, и, более того, их историческая оценка и глубокое осмысление остаются и по сей день важной задачей постсоветского общества, особенно актуальной в свете того обстоятельства, что подлинная, глубокая и тотальная десталинизация советского и даже постсоветского строя, – подобная денацификации в послевоенной Германии – так никогда проведена не была. А потому абсолютно прав Россиянов, который замечает: «И даже если мы отойдем от самого термина «репрессированная наука» и решим, что списки и воспоминания о замученных и расстрелянных не подвигают нас к созданию какой-то большой теории в понимании сталинизма, все-таки эти воспоминания необходимы, это – благородное дело» [2, с. 188]. И тем не менее, «репрессированная наука», во-первых, никогда не существовала как явление действительности, а во-вторых, должна быть преодолена как теоретический конструкт и объяснительный принцип.

Существует несколько основных проблем с научным исследованием в ключе «репрессированной науки». Во-первых, сама идеология такого исследования предполагает и имплицитно подразумевает существенный перекокс позиции исследователя в сторону обсуждения трагизма человеческого существования и преступности насилия над личной свободой в обществе в условиях доминирования института власти над индивидуумом. Этот перекокс нередко выражается в характерном смещении стиля изложения и значительной долей эмоционально окрашенной лексики, этически-оценочных утверждений и, с другой стороны, недостаточно рационально аргументированным анализом данных, впрочем, как и скудостью эмпирических данных как таковых. Все эти признаки знакомы и гораздо более характерны для агитационно-пропагандистского жанра, чем для аналитически-научного. Можно было бы считать эту проблему сугубо стилистической и относящуюся к контексту

---

²⁸ См. полный текст этого документа в Сети: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1933>

презентации исследования, а потому малосущественной, если б только она не указывала на гораздо более существенную проблему, связанную с организацией самого исследования и его базовых установок.

Таким образом, во-вторых, идеология и методология научного исследования в традиции «репрессированной науки» базируется на неверном постулате о предположительном существовании двух совершенно различных и изолированных миров: с одной стороны, это наука (представленная, по мысли Ярошевского, «научными школами» и «оппонентными кругами»), а с другой стороны, властью, понимаемой как что-то внешнее и враждебное по отношению к науке. Между этими мирами, согласно этой модели, есть некоторая коммуникация, но она в конечном счете преимущественно односторонняя и направлена «сверху вниз», т.е. от власти к науке. Вся модель выстроена как дихотомия, с заметным преобладанием эмоционально-оценочных и этических характеристик, таких как «преступник» – «жертва», «палач» – «мученик», «друг» – «враг», «свой» – «чужой» или «наш» – «ненаш», и т.п. Основная проблема такого подхода в том, что наука рассматривается как нечто (а) пассивное, (б) реактивное, (в) исключенное из процессов принятия решений и (д) представленное набором индивидуальных судеб, как правило, Великих Людей (т.е. основателей «научных школ») и их «учеников» и «соратников». Последнее представляет собой наибольшую проблему, а потому и подсказывает и своего рода протоядие, т.е. выход из тупика «репрессированной науки».

Этот выход заключается в самой проблеме. Суть же проблемы в том, что наука – это не исключительно «мир абстрактных идей» или более или менее случайный набор сервильных и пассивных по отношению к власти «научных школ», а научное сообщество: активное, динамическое, самоорганизующееся и способное не только противостоять вызовам власти, но и манипулировать ей в своих интересах. Далеко не в последнюю очередь это связано с тем, что власть и научное сообщество взаимозависимы и в той или иной степени взаимопроницаемы. Между ними постоянно происходит диалог и переоценка социальных позиций, специфика которых определяются их взаимными интересами (в том числе, заинтересованностью друг в друге), а также влиянием других разнообразных факторов, таких как роль идеологических институтов и институций в обществе (например, церковь или политические партии) или, скажем, активность филантропических институтов гражданского общества и крупного и среднего частного предпринимательства в этом непрекращающемся диалоге. Так или иначе, принципиально важно то положение, что наука в ее социальном бытовании это в первую очередь сообщество, состоящее из

активных научных деятелей (иначе, языком социологии, «акторов») и обладающее колоссальными возможностями воздействия на окружающий мир, в том числе на власть.

Такое положение идет принципиально вразрез с унылым образом «репрессированной науки», до сих пор все еще бытующем в историографии с подачи Ярошевского и его последователей. Примечательно, что даже в лучшие годы развития этой депрессивной модели, существовали и альтернативные попытки построения исторического знания о психологии как научной дисциплины, и с каждым годом их число неуклонно растет. Рассмотрим несколько конкретных примеров. Так, ещё в 1990 г. в журнале «Вопросы психологии» вышла статья А.М. Эткинда «Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов»²⁹. Ее автор анализирует историю педологии в СССР и признает, что власть в лице партии большевиков была очень заинтересована в диалоге с научным сообществом и с энтузиазмом поддерживала разнообразные научно-организационные инициативы. А с другой стороны, подчеркивает автор, «Профессиональное сообщество самоорганизуется, идет естественный процесс формирования коллективных субъектов научной деятельности – обществ, ассоциаций», а одним из инструментов их самоорганизации и координации их усилий на местах становятся локальные и общесоюзные научные съезды: «Это научное движение развивалось в большей степени снизу, чем сверху» [48, с. 17].

Явление самоорганизации научного сообщества стало предметом специального рассмотрения в недавнем исследовании О.А. Артемьевой, опубликованном в 2012 под заглавием «К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия»³⁰. Так, говоря о понятии «самоорганизации науки», автор указывает, что оно уже начинает использоваться психологами. С другой стороны, «данная проблема только начинает разрабатываться», а среди важнейших предстоящих задач исследования явления самоорганизации научного сообщества, автор статьи указывает следующие: «необходимо определить понятие, соотнести его с другими феноменами, ответственными за обеспечение и реализацию научной деятельности, выделить и дать характеристику субъекта и условий самоорганизации, определить специфику проявления феномена в случае психологической науки и т.д.» [3, с. 28]. В другом своем тексте, а по

---

²⁹ См. текст в Интернете: <http://www.voppsy.ru/issues/1990/905/905013.htm>

³⁰ См. текст в Интернете:

http://isu.ru/ru/publication/izvestia/article.html?article=_71aa9f749afb47bd9ad4bb717211ec06&journal=_5ce2fe6831054887936e1529e4523296

совместительству и докторской диссертации, озаглавленной «Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия», этот же автор на протяжении десятков страниц рассуждает о «коллективном субъекте», активном и деятельном. Эта тема получает дальнейшее развитие и в последующей работе этого же автора, который подчеркивает: «в качестве субъекта рассматривается сообщество ученых, работающих в определенной области знания. Разумеется, это сообщество не монолитно, а состоит из ученых с разными научными подходами, зачастую противоречивыми. Однако развитие науки осуществляется именно через это противоречивое единство индивидуальных подходов. Изучение научного сообщества как субъекта научной деятельности является перспективным направлением в решении проблемы социальной ответственности науки» [5, с. 96]. И далее автор обсуждает исторические корни традиции изучения «коллективного субъекта» в науке, одной из наиболее ярких и ранних из которых (по крайней мере, в 20 веке) является работа Людвика Флека (1896-1961), который ещё в середине 1930х гг. ввел в обиход понятия «мыслительного коллектива» (Denkkollektiv) и «стиля мышления» (Denkstil), присущего этому коллективу, а также развивал идеи культурно-исторически и социально обусловленного конструирования научного факта [47]. Эта работа исключительно важна, и ее необходимо помнить и никогда не выпускать из виду, хотя, с другой стороны, следует также понимать, что упор исключительно на интеллектуально-мыслительной составляющей деятельности научного коллектива уводит нас несколько в сторону от изучения такого коллектива в его реальном социальном функционировании.

Так, благодаря недавним работам, таким как публикация, озаглавленная «“Работа в целом не удалась”: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)», по результатам незавершенного и продолжающегося важного исследовательского и публикационного проекта А.А. Костригина мы начинаем понимать роль самоорганизации научного сообщества не только в его взаимоотношениях с властью, но и в низовых процессах самонастройки и саморегуляции [32]³¹. В результате, на месте черно-белой картины науки, «репрессированной» властью, мы начинаем более отчетливо различать какие-то подгруппы и группы интересов внутри научного сообщества в лице ученых-представителей органов народного и партийного контроля, некомпетентой администрации исследовательского заведения, рядовых исследователей, амбициозных

---

³¹ См. текст: <http://journals.hist-psy.ru/index.php/HPRPD/article/view/226>

аспирантов, самопровозглашенных лидеров конкретной научной дисциплины, направления или «школы», взаимосвязанных с ними представителей других научных дисциплин, индустрии или иной общественной практики, и т.п. «Наука» иной раз, как в материалах, опубликованных Костригиным, превращается из некоей абстракции в конкретное учебное или научно-практическое заведение, запятнанное коррумпированным, неэффективным или проворовавшимся (или и тем и другим одновременно) руководством, безответственным ведением хозяйства, катастрофической кадровой политикой и, наконец, низким качеством научной продукции. Все это может, вполне закономерно, привести и к отстранению директора Института (или даже всего административного аппарата) с занимаемых должностей, и к прочей критике его или ее деятельности. В этом свете, «репрессии», в свою очередь, становятся понятнее не как некая «кара», ниспосланная «всевидящим оком» бездушной, бездуховной и, главное, обезличенной и анонимной власти (в лучшем случае представленной некими «хищническими» и «кровавыми», но абстрактными «карательными органами»), а как стечение определенных обстоятельств, результат замыслов, планов, удач, ошибок, страстей, зависти, ревности, тщеславия, жадности, интриг, обсуждений, обвинений, покаяний, карьер сложившихся или разрушенных, скомпрометированных или удачно выстроенных, и т.д. теми или иными конкретными участниками событий и исторических процессов.

В сходном духе разворачивается научный проект и другого современного исследователя, который также фокусируется на истории конкретных научных сообществ и дает нам интересные наработки, проливающие свет на конкретику социального бытования этих научных сообществ в их историческом развитии. Так, в своей работе, озаглавленной «Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики», автор возвращает нас к теме «репрессированной науки», дает критику этого конструкта и разводит понятия «науки» и «научного движения» [8]³². «Научное движение», отличное от «науки» (т.е., «научной дисциплины», напр., психология, педология, психотехника, психогигиена, дефектология, и т.д.), рассматривается здесь как гибрид науки и практики, или же такой вид прикладной научной деятельности, который мотивирован в первую очередь запросами социальной практики и широко понимаемой индустрии. Итак, согласно автору, «в данной статье педология исследуется не как собственно «наука» в строгом смысле, но в качестве характерного для конкретного

---

³² См. текст в Интернете: <http://cyberleninka.ru/article/n/zagrobnaia-zhizn-nauki-pedologii-k-voprosu-o-znachenii-nauchnyh-dvizhenii-i-ih-istorii-dlya-sovremennoy-pedagogiki> или <http://community.dur.ac.uk/russian.childscience/blog/wp-content/uploads/2013/05/Zagrobnaia-zhizn-pedologii.pdf>

исторического этапа. В этом свете анализ истории педологии може«профессионального/ научного движения», т оказаться полезным при развитии новаторских «профессиональных/научных движений» в области образования, психологии и изучения ребенка в современной России» [8, с. 43]. Также о научно-практических «движениях» пишет этот же автор, которые он продолжает рассматривать на примере педологии в другом своем тексте, озаглавленном «Память о 'репрессированных науках' в истории России: случай педологии» [9]³³ и последовавшей за ней совсем недавней работе, где феномен научно-практического движения (на примере педологии и «наук о ребенке») рассматривается уже как международное явление, не ограниченное локальными рамками советского общества [74]³⁴. Принципиально важное разделение между «научными дисциплинами» и «научно-практическими движениями» было отрефлексовано и изучено в работах Байфорда, очень сходный образ мысли мы наблюдаем и в недавней сравнительной дисциплинарной истории психологии и смежных наук, — по сути, едва ли не первой попыткой такого масштабного исследования [66]; в этой связи см. также [67]. И тем не менее, мы уже знаем целый ряд добротных и вполне убедительных исследований дисциплинарной истории конкретных научно-практических движений в процессе их создания, социального конструирования и институционализации научными сообществами. Это, помимо исследований Байфорда по *педологии*, работы по истории научно-практических движений таких как *психотехника* [4; 6; 39; 44], *дефектология* и *олигофренопедагогика* [10, 31], *психогигиена* [64; 78], *психоанализ* [50] и *психотерапия* [16]³⁵.

Итак, все эти работы изучают «коллективный субъект», «профессиональные/ научные движения» и их самоорганизацию. Ревизионистское выготскоеведение использует несколько иную терминологию и продуктивно оперирует понятиями «сети неформальных личных связей» (informal personal network) [62, 63, 127], частным случаем которого является «кружок» [123] или «круг», как, например, в выражении «круг Выготского-Лурии» [122, 125, 127]. При этом следует понимать, что в том смысле, в котором это выражение используется в ревизионистском выготскоеведении, «сеть неформальных личных связей» (informal personal network) обозначает не только исключительно научных деятелей в конкретной научной дисциплине, связанных иерархически отношениями «ученичества» (а фактически, как

³³ См. полный текст этого доклада: <http://dro.dur.ac.uk/18154/1/18154.pdf?DDD36+mzjs38+d700tmt>

³⁴ См. <http://dro.dur.ac.uk/19689/>; полный текст:

<http://dro.dur.ac.uk/19689/1/19689.pdf?DDD36+mzjs38+nvpw35+d700tmt+mzjs38+d700tmt> .

Расширенную библиографию работ этого автора с линками на его тексты можно найти по такому адресу:

<https://www.dur.ac.uk/mlac/russian/staff/display/?id=7651>

³⁵ См. текст автореферата этой диссертационной работы: http://www.bekhterev.ru/upload/documents/arf_gayd.pdf

правило, административно-служебными отношениями, сформировавшимися в ходе карьерного роста в том или ином исследовательском, учебно-научном или даже правительственном заведении) с фигурой лидера, именем которого эта группа называется. Именно в таком смысле используется слово «школа» в нарративах о «научных школах», а по факту, научных кликах, кланах и проч. подобных административно-карьерных образованиях и группировках, сформировавшихся и продолжающих бесконечно множиться согласно «сталинской модели науки» в ее современной модификации. Об истории и современности «сталинской модели науки» см. [67, 70, 102, 128], о проблемах построения «школьной историографии» (т.е. историографии «научных школ») в психологии см. работы Богданчикова, напр., [12]. Итак, по контрасту со «школами», «сеть неформальных личных связей» принципиально может включать в себя фигуры, которые по роду своей (основной) деятельности не только не принадлежат какой-то одной научной дисциплине, но и вообще не являются научными деятелями. Отношения внутри такой сети могут существенно различаться по степени их формальности, открытости, близости, постоянству и т.п. И тем не менее, все они, – участники сети – вполне могут совместно выполнять задачи по решению проблем, непосредственно связанных с развитием науки в ее социальном контексте.

Так, например, в конкретном случае исследования эпизода в жизни А.Р. Лурии в 1941 г., взятого за основу во второй части этой статьи, мы видим фрагмент невидимой и обширной сети его корреспондентов и контрагентов по всему миру, далеко не в последнюю благодаря которой Лурия и смог состояться как крупная фигура международной науки и признанный классик нейропсихологии. Эта сеть в данном случае представлена именами самого Лурии (Советский Союз, психолог и психонейролог), Хорас Каллен (США, профессор, философ и общественный деятель) и Ральф Ингерсолл (США, журналист, корреспондент и редактор ежедневной газеты). На периферии этой сети в этой истории фигурируют и такие деятели («акторы») как Хорас Лайвсайт (США, издатель), Вера Благовидова (СССР, актриса, бывшая жена Лурии), анонимные организаторы Салмоновских Лекций в Нью-Йоркской Академии Медицины (США, предположительно медицинские специалисты в широком смысле), семья Каллена (США, неспециалисты), наконец, Николай Проппер-Гращенко (СССР, невропатолог, член-корреспондент АН СССР и директор института) и даже, эпизодически, Лев Выготский (СССР, психолог). В той или иной мере все они участвуют в жизни Лурии, вовлечены в его научную деятельность и так или иначе влияют на нее.

Итак, весь рассмотренный здесь корпус исследовательской литературы, уделяет особенно пристальное внимание групповым, коллективным процессам в науке в ее реальном функционировании в обществе и самоорганизации ученых в различные по степени своей длительности, формальности и официальности «сети», «кружки» и «круги», «школы», «направления», «движения», «общества» и «ассоциации», «совещания», «конференции», «съезды», «конгрессы», «кабинеты», «лаборатории», «музеи», «институты», «академии», и, наконец, «научные дисциплины». В совокупности, это богатое научное наследие очевидно является прямым вызовом окончательно устаревшей модели «репрессированной науки» с ее фактическим игнорированием «коллективного субъекта» как движущей силы развития науки. Наука при этом, тем не менее, понимается как социальная практика по потреблению, производству, передаче и воспроизводству рационального знания. Мы начинаем видеть, каким именно образом административный «запрет» на что-либо в науке—от использования и применения какого-либо метода, теории (и ее концептуального аппарата, т.е. конкретных терминов), «ликвидация» направления, научного движения или даже целой научной дисциплины сравнительно легко, при желании, могут быть обойдены и фактически бойкотированы научным сообществом. Так, например, «педологи» в зависимости от базового образования и (или) их профессиональной аффилиации в мгновение ока превращаются в «педиатров», «педагогов» или «детских психологов» (т.е., соответственно, в специалистов по здоровью, обучению или психологическому развитию детей), а метод «тестов» путем сравнительно несложных манипуляций с исходными формулировками в его проведении и описании становится методом «опроса», «анкетирования», «интервьюирования», «беседы» или «собеседования». «Реактология» и «рефлексология» при необходимости становятся «психологией» или «психофизиологией», то есть начинают именоваться именно так, как они назывались до того, как тот или иной научный деятель выступил с публичной инициативой провозглашения нового научного направления или даже научной дисциплины, например, К.Н. Корнилов с идеей переименования «психологии» в «реактологию», а В.М. Бехтерев – «объективной психологии» в «рефлексологию». Примечательно при этом, что совсем незадолго до этого тот же самый Бехтерев выступил с инициативой сдругой терминологической замены для этой научной дисциплины и агитировал за плод его ума, «объективную психологию», вместо «психологии» [75]. Сходным образом, «психотехника» превращается в «прикладную психологию» или, более конкретно, в зависимости от социального и прикладного контекста,

«психологию труда», «инженерную психологию», «космическую психологию», «военную психологию» (например, как частный случай: «психологию маскировки»)³⁶, «психологию спорта», «психологию профотбора» или даже «эргономику». К слову, именно это и случилось во всем мире с этими самозаявленными научными движениями и дисциплинами, ни одна из которых в качестве самостоятельного научного направления не дожила до начала Второй мировой войны. Самое главное в этих процессах – это то, что научное сообщество, активный и самоорганизующийся коллективный субъект науки, продолжает функционировать, динамически подстраиваясь к изменяющимся социальным условиям своего существования, оставаясь при этом интегральной, – и очень важной притом, – частью этих самых социальных условий. И именно к такому выводу подталкивает нас отказ от давно и безнадежно устаревшей мифологемы о «репрессированной науке», отказ, который мы уже начинаем систематически наблюдать в лучших из современных работ по историографии науки, и, в частности, историографии психологии и смежных наук.

Второе. Разделение: «столичная»–«локальная»–«зарубежная» наука

На этом, казалось бы, можно было бы и остановиться, поскольку все остальное логически следует из предыдущего. И тем не менее, здесь мы затрагиваем настолько принципиальную и застарелую проблему, что она заслуживает особого рассмотрения. Наверное, интересно было бы когда-нибудь провести специальное исследование и изучить исторические корни и культурно-географические границы и особенности явления, о котором речь пойдет ниже, но на сегодня ограничимся лишь его описанием как проблемы, причем проблемы в первую очередь историографии русской психологии³⁷. Мы уже коротко обсудили проблему «репрессированной науки» Ярошевского и его последователей и связанную с ней терминологию «научных школ» и «оппонентных кругов». Теперь сфокусируемся на другом терминологическом нововведении этого же автора: идее «русского пути» в науках о поведении (т.е.

³⁶ О так называемой «военной психологии» см., например, такую недавнюю публикацию: Серова О.Е., Гусева Е.П. Научная жизнь и научные исследования Психологического института в 1941-1945 годах: 70-летию Великой Победы посвящается; <http://publikacia.net/archive/2015/11/7/36>

³⁷ Здесь представляется необходимым повторить, что до настоящего момента под «русской психологией» в этой статье понимается тот свод идей, текстов, экспериментальных и социальных практик, который напрямую завязан на, условно говоря, «психологические» публикации на русском языке, вне зависимости от географической расположенности, национальности или институциональной аффилиации их авторов. Таким образом, с известной натяжкой переводная литература на русском языке и производные от нее теории, дискурсы и практики также включаются в такое расширительное понятие «русской психологии». Тем не менее, в свете того, что в дальнейшем, в третьей части этой статьи обсуждение смещается на существенно отличное толкование «русской психологии» и «русского пути» в науке, представленное в работах М.Г. Ярошевского и его последователей, во избежание двусмысленности и понятийной неясности с настоящего момента мы либо прекращаем использование эпитета «русский» (применительно к психологии как научной дисциплине), либо используем синонимичный ему, но несколько менее удачный эпитет «русскоязычный».

психологии и смежных наук) и его воистину разрушительных последствиях для традиционной, а особенно современной русскоязычной историографии психологии.

На самом деле, не стоит преувеличивать вклад М.Г. Ярошевского во внедрение идеи «русского пути» в историографическую литературу. И в самом деле, такая фраза действительно фигурирует в названии его книги «Наука о поведении: русский путь», вышедшей в середине 1990х. Идея «русской науки», по всей видимости, на самом деле увлекала автора в то время: следует обратить внимание, например, на такие выражения как «русская почва», «русский ум», «русские исследователи», «русская мысль», «русская идея» и т.д., которыми изобилует эта книга и другие сходные тексты этого автора³⁸. Несмотря на очевидное сходство фразеологии Ярошевского с великодержавным и неоимперским дискурсом позднесталинского периода начала холодной войны (конец 1940х-начало 1950х гг.), характерного поиском всего «русского» в науке и провозглашением его приоритета и превосходства во всем мире [102], можно предположить, что корни увлечения «русским путем» уходят в ещё более ранний период: в раннесталинскую эпоху 1920х-1930х гг. с ее доминантой построения «новой», марксистской науки и «советской психологии»; об этом давно, с увлечением и хорошо пишет С.А. Богданчиков [13].

И все же, сходство с фразеологией позднего сталинизма и языком самых ранних публикаций Ярошевского, таких как его классические тексты 1952 г. «Кибернетика – наука мракобесов» и «Ответ И. П. Павлова американским реакционным психологам», нельзя не заметить; в этой связи о традиции «сталинской модели науки» в современной русской психологии см. [67]³⁹. Есть тут, впрочем, и новые интонации, присущие пост-перестроечной поре и идеологии историографии «репрессированной науки». Характерна такая цитата из одноименной статьи Ярошевского: «Американские психологи восприняли идеи русских исследователей поведения. Но их пути существенно различались. Преобразовать человека как целостное существо с тем, чтобы его тварная организация была движима высшими духовными ценностями, – такова была русская сверхценная идея» [52, с. 17]. И вправду, рассуждения о духовности — это уже, с одной стороны, радикальный возврат в дореволюционную эпоху неэмпирической психологии и спиритуалистических спекуляций столетней давности, а с другой стороны, связующее звено и важная промежуточная ступенька к современным размышлениям о «духовности» и «духовных

³⁸ См., например, текст в Сети: <http://www.voppsy.ru/issues/1995/954/954005.htm>

³⁹ См. текст: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/74.pdf> ; приглашение к дискуссии по тексту: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/90.pdf> и, собственно, незавершенную дискуссию: <http://pem.esrae.ru/pdf/2015/3-4/98.pdf>

скрепах» русского народа. Таким образом, «духовные скрепы» («духовность») и «репрессированная наука», согласно Ярошевскому, это и есть те две инновации, которые не только неотрывно и навечно связаны с его именем в историографии психологии, но и, по мнению этого автора, то уникальное и принципиально отличное, что Россия явила миру в области науки. Сравните: «Перед нами беспрецедентный в мировой истории феномен репрессированной науки. Под ним следует понимать не только все, что было прямым результатом репрессий в смысле истребления людей, книг, целых наук. Репрессированным оказалось все научное сообщество, деформированы его ценностные устои, сложившиеся, как мы видели, в докоммунистический период» [53, с. 392].

Итак, «русский путь», следуя логике Ярошевского, есть тот позитивный – в отличие от сугубо негативной «репрессированной науки» – вклад России в мировую сокровищницу мысли, причем именно как «русская *сверхценная* идея». Что здесь для нас интересно в контексте текущего обсуждения ревизионистского поворота в историографии психологии, это то, с чем мы остаемся в окончательном итоге поисков и метаний Ярошевского буквально в рамках одного десятилетия от позднесоветской эпохи (1970-1980е гг.) до постперестроечного периода (1990е гг.). И вправду, диапазон мнений и исторических оценок Ярошевского его работ этого периода воистину огромен. Так, например, интересно сравнить его, скажем так, исторические постулаты о «русском пути» и «духовных скрепах» с такими заявлениями этого же автора публикации 1985 г. как, например, следующее: «Великий Октябрь взорвал устои старого мира. Идеалистическая психология утратила социальную почву. Многие из ее приверженцев вскоре оказались в эмиграции... К психологии отношения они больше не имели... Мировоззренческая ориентация тех, кто представлял естественнонаучное направление, сочетавшая материалистические традиции русской мысли с глубоким демократизмом, обусловила органичную связь их научного творчества с зарождавшейся социалистической культурой. Без колебаний они стали ее активными строителями» [51, с. 465]. И далее: «Без преувеличения можно считать, что своим возрождением в СССР в 20-х гг. психология обязана марксизму, ибо, как уже отмечалось, это было время засилья рефлексологических концепций, отрицавших саму возможность объективного и детерминистского изучения сознания (внутреннего мира субъекта) и тем самым создания подлинной науки о нем» [51, с. 488]. И, наконец: «Достижения советской психологии в 20-30-х гг. [двадцатого века] определили ее развитие в последующий период. Освоив идейное богатство марксистско-ленинского учения о психике и сознании, органично соединив методологическую ориентацию с практикой формирования личности

социалистического общества, советская психологическая наука смогла в дальнейшем успешно участвовать в решении актуальных задач коммунистического строительства» [51, с. 528]. Оставим задачу дальнейшего анализа научного наследия и зигзагов его бесконечно изобретательной мысли подлинным последователям Ярошевского и искренним поклонникам его творчества. Нас же сейчас в первую очередь интересует вопрос, а есть ли что-нибудь общее в таких разных текстах, написанных, казалось бы, разными и даже, вероятно, не знакомыми друг с другом авторами.

То, что объединяет все эти тексты, это фундаментальное положение о том, что обязательно существует что-то, что «наша» (т.е., в зависимости от времени написания и публикации текста, «советская», «марксистская», «отечественная» или «русская») наука дала миру, и именно этим определяется ее уникальность и, хотя бы в чем-то, превосходство этого «нашего» над «ненашим», «заграничным». Иными словами, во всех этих работах мы наблюдаем реализацию достаточно жестко проведенного разделения всей психологии на «отечественную» и «зарубежную» (иначе: «мировую») науку, которое неизменно в той или иной мере характерно для русскоязычной историографии психологии от 1930х вплоть до настоящего времени.

Проблематичность и, более того, бессмысленность такого жесткого разделения на «отечественное—зарубежное» более чем очевидна в наши дни, когда множество ученых из разных стран беспрепятственно путешествуют и сотрудничают с коллегами по всему миру, когда иностранцы работают и публикуются не только за рубежом, но и в РФ, а русскоязычные авторы являются гражданами других стран и выпускают свои работы как на русском, так и на других языках международной науки, причем как в РФ, так и по всему миру. Чтоб далеко не ходить за примером, приведем в качестве такового коллектив авторов этой статьи; есть и огромное множество других и разнообразных примеров этого рода. И тем не менее, метафора «отечественной науки» почему-то вполне жива и продолжает определять установки, содержание и направление исследований в современной русскоязычной историографии психологии и смежных дисциплин. Более того, как нам показывают многие работы в духе ревизионистской историографии выготсковедения, такое жесткое разделение зачастую выглядит неоправданным даже в тех случаях, когда мы имеем дело с историческими периодами, в отношении которых, казалось бы, менее всего приложимы категории интернационализма и международного обмена. Пример, опять же, буквально у нас в руках: см. вторую часть этой статьи, посвященную международному взаимодействию и сотрудничеству интеллектуалов по обе стороны

Атлантического океана периода Второй мировой войны (1939-1945). Так или иначе, мы можем с полной уверенностью утверждать, что так называемый «изоляционизм» как навязанное властью явление советской и русскоязычной психологии (и смежных дисциплин) по факту никогда не существовал даже в самые сложные годы глобальной геополитической реконфигурации и внутривосточных репрессий (политические процессы и преследования «космополитов» в СССР и шпионские процессы Розенбергов и др. и маккартизм в США) периода разворачивания «железного занавеса» и ранней холодной войны (пара-тройка лет в самом начале 1950х гг.), а если и допустимо говорить об «изоляционизме», то только как о категории социально-психологической как характеристики большинства русскоязычного научного сообщества в области психологии и смежных дисциплин. Подтверждением и яркой иллюстрацией тому как раз обсуждаемый здесь историографический дискурс в традиции дихотомии «отечественная—зарубежная наука».

Теперь присмотримся более пристально к «отечественной психологии». Как подсказывает опыт исследователя, подкрепленный анализом материалов недавнего научного съезда по истории «отечественной и мировой» психологии⁴⁰, история «отечественной психологии» во многом остается занятием исследователей из Москвы, пишущих о науке в Москве. Так, к примеру, в этом сборнике материалов съезда слово «Москва» и производные от него упоминаются более 400 раз. Второй по численности и значимости город РФ (и СССР), Петербург (ранее: Ленинград, Петроград) и производные от него фигурируют свыше 110 раз. Крупнейшие наиболее значимые для истории психологии города Советского Союза (Киев, Харьков, Тбилиси, Минск) встречаются приблизительно 10 раз каждый; приблизительно такие же показатели у крупнейших современных городов Российской Федерации (т.е. не более 20 упоминаний каждый), за исключением Ярославля (порядка 70), Нижнего Новгорода (порядка 40) и Рязани (порядка 30 упоминаний). Все эти количественные показатели наверняка в чем-то и случайны, когда речь заходит о нестоличных городах. И тем не менее, остается непреложной та истина, что история «отечественной психологии» написана преимущественно москвичами о Москве и, в значительно меньшей степени, петербуржцами о Петербурге. На это можно было бы заметить, что, по всей видимости, эти показатели отражают реальное положение дел и что наука в России делается столичными жителями в столице, и именно к такому выводу нас подталкивает традиционный,

⁴⁰ История отечественной и мировой психологической мысли: судьбы ученых, динамика идей, содержание концепций. Материалы всероссийской конференции по истории психологии «VI Московские встречи», 30 июня–02 июля 2016 г. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Ю. Н. Олейник. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.

канонический вариант «истории отечественной психологии». Справедливости ради, этот канонический вариант признает существование «провинциальной» науки в принципе, но уделяет ей роль второстепенную и вспомогательную.

Таким образом, подводя итоги, отметим здесь принципиальное положение, существующее в массовом сознании исследователей, на уровне своего рода негласного договора и базовой установки, «по умолчанию». Психология как научная дисциплина, как система знания, безусловно, интернациональна, как, впрочем, и любая другая наука. И тем не менее, существует фундаментальное разделение на «отечественную» и «зарубежную» («мировую») психологии (в качестве примера и совсем свежей иллюстрации тому название конференции, материалы которой обсуждались несколько выше). И далее: «отечественная», в свою очередь, воспринимается и позиционируется как второе фундаментальное разделение на «столичную» и «провинциальную» («локальную», «местную»). Барьеры между тремя этими конструктами и категориями настолько велики, что позволяют исследователям рассматривать их и, соответственно, изучать их практически в полном отрыве один от другого. Такой подход является нормой в историографии психологии и воспринимается как нормативный и единственно возможный. На самом деле это далеко не так. Мы уже кратко обсудили немотивированный отрыв психологии «отечественной» от «зарубежной». Теперь покажем, почему отрыв «столичной» от «локальной» науки не менее сомнителен и представляет серьезную проблему для системного, целостного и «холистического» исследования в области историографии психологии (и смежных дисциплин).

Следует уточнить, что, действительно, так исторически сложилось, что две столицы – Петербург и Москва – играют заметно большую роль, чем другие города в истории России ещё с имперских времен: здесь находятся и центральные органы управления государственной властью, и основные культурные, научные и образовательные центры. Все это так. И все же, как мы знаем, на протяжении всего 19 в. постепенно происходила если и не полноценная децентрализация, то, по крайней мере, некоторое перераспределение властных полномочий между «метрополией» и «провинцией», заметно усилившаяся после реформ Александра II (в частности, земской реформы 1864 г.) и начала земского движения во второй половине века. В результате реформ были образованы выборные органы местной власти («земства»), которые наделялись полномочиями принятия решений на местном уровне в целом ряде сфер народного хозяйства, включая те, которые имели непосредственное отношение к наукам о человеке, а именно: в сфере народного образования и медицины. Земские органы власти по всей Империи внедрялись

постепенно и неоднородно вплоть до первых десятилетий 20 в., а потому их влияние было различным в той или иной географической области. Так или иначе, именно благодаря земскому движению и был запущен процесс самоорганизации и самоуправления локальных специалистов, в результате чего стали возникать на местах всевозможные профессиональные объединения врачей (разных специальностей) и педагогов. С какого-то момента у представителей этих профессиональных сообществ возникает потребность объединения на общегосударственном уровне, и вот, мы видим, как уже с конца 19 в. начинают созываться такие объединительные съезды специалистов в области, скажем так, «прикладного человековедения». Так, например, в 1887 г. в Москве прошел Первый съезд отечественных психиатров; в 1906 г. в Санкт-Петербурге был организован Первый Всероссийский съезд по педагогической психологии; в 1910 – Первый Всероссийский съезд по экспериментальной педагогике и Первый Всероссийский съезд по борьбе с пьянством (работа съезда официально началась 28 декабря 1909 г.), оба в Санкт-Петербурге; в 1911 – Первый съезд Русского союза психиатров и невропатологов, в Москве, и т.д. Именно этим съездам суждено было заложить основы тех профессиональных союзов, общественных объединений и массовых движений, подлинный расцвет которых мы наблюдаем по всей стране после прихода к власти большевиков в 1917 г.

Как мы видим, первые съезды врачей-психиатров, психоневрологов и педагогов проходили в двух столицах. Тем не менее, это обстоятельство не должно вводить нас в заблуждение на предмет участия в них локальных специалистов из разнообразных районов страны и роли земского движения в поддержке этих местных инициатив. Так, например, в результате того, что по политическим причинам проведение таких массовых собраний в конце 19–начале 20 в. в одной из столиц стало затруднительным, организация Второго съезда отечественных психиатров была организована силами локальных (иначе: «провинциальных», периферийных) специалистов: в Киеве, в сентябре 1905 года [16]. Именно на этих съездах, а вовсе не в каком-нибудь одном прославленном столичном институте, фактически возникло то, что впоследствии будет названо «психологией» в ее прикладном варианте. И напротив, именно в университетах Российской Империи зачастую развивался и пропагандировался консервативный (и даже реакционный) вариант психологии в ее спекулятивном и спиритуалистическом исполнении. Представители этой вариации «психологии» были зачастую весьма враждебно настроены по отношению к попыткам применения психологического знания в общественной практике, например, в таких областях как медицина и здравоохранение,

педагогика и народное образование, криминалистика, военное дело и индустрия, и т.п. [66]⁴¹.

С другой стороны, именно обширная сеть локальных специалистов разделяла многие из убеждений земского либерального движения и составила костяк того высококвалифицированного и зачастую политически активного профессионально-интеллектуального сообщества, которое сформировалось еще до революции. С поправкой на ощутимые персональные и кадровые потери, связанные с гражданской войной, голодом, большевистским террором периода «военного коммунизма» и послереволюционной иммиграцией (в конце 1910х–начале 1920х гг.), многие из этих специалистов продолжали дело революционного обновления общества после 1917 г., но уже при интенсивной поддержке органов государственной власти в лице правительства большевиков. Персональный состав этого сообщества был представлен целым рядом ярких имен научно-практических деятелей и активистов, таких как В.М. Бехтерев (1857-1927), Г.И. Россолимо (1860-1928), В.Н. Ивановский (1867-1939), В.П. Кащенко (1870-1943), А.Н. Бернштейн (1870-1922), А.П. Нечаев (1870-1948), А.А. Крогиус (1871-1933), В.П. Осипов (1871-1947), Ю.В. Каннабих (1872-1939), П.Б. Ганнушкин (1875-1933), В.А. Гиляровский (1876-1959), К.И. Платонов (1877-1969), М.О. Гуревич (1878-1953), Н.А. Рыбников (1880-1961), Д. И. Азбукин (1883-1953), Л.М. Розенштейн (1884-1934), А.Н. Граборов (1885-1949), И.А. Соколянский (1889-1960) и многие другие. В этом же ряду стоят не дожившие до большевистского государственного переворота и захвата власти в октябре-ноябре 1917 г. В.П. Сербский (1858-1917) и А.Ф. Лазурский (1874-1917). Закономерен вопрос, насколько все это имеет отношение к обсуждаемой здесь теме строгого разделения на «столичное»—«локальное»—«зарубежное» в историографии «отечественной и мировой психологии». Ответ: самое прямое.

Итак, если мы внимательно и беспристрастно присмотримся к карьере и траектории жизненного пути этих профессионалов, – исследователей, практиков, научных и общественных деятелей, – мы увидим, насколько тесно и неразрывно в случае практически каждой из этих биографий переплелись в неразрывный узел линии «столичной», «локальной» и «зарубежной» науки. Эти переплетения выражаются в разнообразных формах, например, таких как «провинциальная юность», заграничные поездки, работа в нестоличном университете, активные контакты с коллегами по научному сообществу в разных городах как внутри страны, так и за ее пределами, обмен идеями и практиками, и т.д. и т.п. Игнорирование этого разнообразия и многообразия, предопределенное негласным постулатом о разделении на «столичное»—

⁴¹ См. текст в Сети: [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2014\).%20Disciplinary_Draft.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2014).%20Disciplinary_Draft.pdf)

«локальное»—«зарубежное» неизбежно приводит нас к фрагментарной и изоляционистской историографии. Такая историография следует установленному канону и строится либо в духе повествований о самобытной «отечественной науке» и «русском пути», либо в ключе краеведческих историй о «науке в провинции», либо в традиции оторванной от историко-социальной реальности «башни из слоновой кости», т.е. «интеллектуальной истории» научного наследия ведущих «зарубежных исследователей». Какова же альтернатива?

Альтернатива изоляционистской историографии, следующей установке на разделение на «столичное»—«локальное»—«зарубежное» заключается в так называемой «транснациональной историографии», которая в случае истории науки подпитывается двумя разными традициями. Первая традиция представлена теми исследованиями, в которых наблюдатель изначально занимает «над-национальную» (иначе: «транснациональную») позицию и избирает такие объекты исследования, которые позволяют изучать «транснациональные» явления и процессы, т.е. такие, которые по определению включают в себя несколько национально-государственных образований. Примеры объектов «транснационального» исследования: массовые миграции населения, крупные наднациональные промышленные, финансовые или политические организации и союзы, военные альянсы и внешнеполитические группы интересов и т.п. Применительно к историографии науки, согласно авторам программной статьи на эту тему, «транснациональный поворот» заключается в организации специальных исследований в трех направлениях, таких как (а) функционирование международных научных институций, (б) транснациональная мобильность ученых и (в) политика транснационального обмена неакадемических институций [89].

Транснациональные исследования по умолчанию рассматривают такие объекты, процессы и явления, которые вовлекают несколько государственных образований. Однако, как нам напоминают редакторы журнала, посвященного публикациям по истории России и Евразии, «*Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*», у понятия «транснациональный» может существовать и несколько иное значение. Это понятие, по крайней мере в русском языке, может означать нечто, проходящее не только и не столько *между* нациями и государствами, сколько *через* все государство и народы, ее населяющее; для сравнения см. такие примеры с префиксом «транс-»: «транссибирский», «трансконтинентальный», «трансамериканский». Справедливости ради, такая двусмысленность этого слова особенно важна с исторической точки зрения. И в самом деле, целый ряд феноменов, которые сегодня могут быть

квалифицированы как «транснациональные» в первом значении (т.е. такие, которые проходят между разными странами и народами), с точки зрения их исторического развития являлись феноменами «транснациональными» в его втором возможном значении (т.е. такими, которые проходят через всю страну). Примером тому история Российской Империи и Советского Союза и входивших в нее областей и районов, а ныне независимых и самостоятельных государств. На самом деле, с точки зрения развития науки, обмена идеями и взаимоотношений между регионами зачастую далеко не столь важна государственная принадлежность этих регионов, насколько важна их географическая отдаленность и различия в местных условиях. И именно поэтому проблема взаимоотношений «центра» и «периферии» – иначе: диалога «столицы» и «провинции», об этом см. [42]⁴² – также вполне может быть описана с точки зрения «транснациональных» моделей.

Если нужны примеры «транснациональной историографии» психологии, то читатель держит один такой пример сейчас в своих руках и может найти во второй части этой статьи, где объектом исследования выступает трансатлантическая и трансамериканская переписка ряда исторических деятелей, включая известного советского ученого А.Р. Лурию. Эта работа была вдохновлена не в последнюю очередь другим важным и фундаментальным исследованием в духе транснациональной историографии, где объектом изучения был избран VII Международный генетический конгресс, который был заранее согласован и одобрен советскими властями, местными учеными и международным научным сообществом и должен был быть проведен в августе 1937 г. в СССР, но решением высших органов государственной власти в этой стране был перенесен на лето 1938 г., а в результате решением международного научного сообщества в лице его координирующих международных организаций был все же проведен в августе 1939 г., но не в СССР, а в Великобритании [103]. Другие примеры такого же рода представлены исследованиями, уделяющими значительное внимание научным съездам, конференциям и конгрессам в области психологии и смежных наук, например [4, 11, 13, 16, 44–46, 56, 61]. Другого рода «транснациональная историография» представлена серией исследований транснациональной научной кооперации и сотрудничества, например, географически распределенного исследовательского проекта при участии советских и германо-американских ученых, который в недавних работах получил название «культурно-исторической гештальт-

⁴² См. полный текст публикации в Интернете здесь: <http://www.fsn.unn.ru/files/2013/07/StoyuhinaNY-rabota1.pdf> или здесь <https://unn-ru.academia.edu/%D0%9D%D0%B0%D1%82%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D1%8F%D0%A1%D1%82%D0%BE%D1%8E%D1%85%D0%B8%D0%BD%D0%B0>

психологии» [62, 126, 129]. В рамках этого направления, в частности, было проведено ревизионистское исследование международной экспедиции в Среднюю Азию под руководством Александра Лурии, Льва Выготского и Курта Коффки летом 1932 г., которое опрокинуло наши традиционные представления о ходе и достижениях этой экспедиции, опровергло общеизвестную мифологему об отутствии оптических иллюзий у неколлективизированных слоев населения Советского Узбекистана в начале 1930х гг. («у узбеков ЕСТЬ иллюзий!») и заставило нас переоценить роль и место этих экспедиций в мировой психологической науке [18, 30, 34, 62, 65, 69, 72, 107, 112, 113].

Вторая исследовательская традиция, которая подпитывает наш интерес к транснациональным явлениям, это исследования так называемой «циркуляции знания» [76, 116]. Исследования в этой традиции принимают за исходное положение идею знания (knowledge, les saviors), — где под «знанием» понимаются образы, идеи, тексты, научные теории, технологии, общественные практики, и т.п., — которое не столько производится в одном месте и в таком виде передается дальше, сколько постоянно порождается и трансформируется в процессе непрерывного движения из одного контекста в другой. Согласно этой модели, будучи созданным в одном месте и транслированным в другие контексты, знание в какой-то момент может вернуться в место его изначального порождения, но уже в виде, существенно изменном, вплоть до неузнаваемости. Это, в свою очередь, приводит к тому, что это вновь обретенное знание воспринимается в оригинальном контексте его порождения как нечто совершенно новое и незнакомое. Тем самым запускается новый цикл (или виток: circle, loop) его распространения и видоизменения.

Надо понимать, что согласно этой модели, знание из одного места в другое не переносится чисто механически. Более того, оно никогда не сохраняется неизменным в ходе такого переноса, а видоизменяется в той или иной степени в результате адаптации к иным, местным социальным условиям. О психологической и социальной подоплеке механизма такой «циркуляции знания» хорошо пишет современный автор:

«Большое число переводных публикаций может быть понято только при условии, что они соотносятся со сложной сетью международных обменов между лицами, занимающими ключевые научные должности, обменов различными приглашениями, почетными докторскими званиями и т.п. Затем мы должны задать вопрос: как получается так, что какой-то конкретный автор или издатель становится импортером тех или иных конкретных идей? Почему автора X публикует издатель Y? Очевидно, что в результате такой публикации

импортер получает какую-то определенную выгоду. Импортерами еретических мыслей становятся маргиналы в той или иной области, которые переносят идеи, признанные и авторитетные в смежной области, для усиления собственной позиции в своей области. Иностранцев зачастую используют утилитарно и для решения таких задач, которые они сами, вероятно, отказались бы решать в своей собственной стране. Тем не менее именно таким образом иностранного автора часто можно использовать для атаки на своего соотечественника» [73, с. 223].

И в этом случае нет нужды далеко ходить за примерами исследований «циркуляции научного знания», в изобилии представленными ревизионистской историографией выготсковедения, которая не только показывает нам наследие Выготского-Лурии очищенным от десятилетиями наслоившейся на ней «мифологии выготсковедения», но и анализирует историю международной «рецепции Выготского» и социального конструирования научной мистификации, связанной с именами научных деятелей советской поры. Подробный обзор работ этого рода представлен в первой части этой статьи. Другой пример исследования циркуляции знания, но уже за пределами выготсковедческого спектра, представлен двумя исследованиями, которые были проведены совершенно не зависимо одно от другого, но в чем-то очень сходным образом рассматривают один и тот же эпизод дисциплинарной и транснациональной истории психогигиены (англ.: *mental hygiene*) в США и СССР. Этот эпизод покрывает период в пару десятилетий межвоенного периода, когда первые идеи этого научно-практического движения, зародившегося в Германии и США, в 1910е гг. были импортированы в Имперскую Россию, где были поддержаны местными специалистами, но получили стремительное развитие лишь при власти большевиков, в СССР. Прошло всего лишь два десятка лет и вот уже американские специалисты – основатели этого движения в Америке – начинают наносить нередкие визиты в Советский Союз, и, впечатленные достижениями своих советских коллег, организуют «ре-импорт» советской версии психогигиены в Америку. На этом круг «циркуляции знания» замкнулся [64, 78].

В этом контексте стоит также упомянуть и другой пример, который представляет собой недавнее монографическое исследование, которое формально является разработкой историографии «локальной науки» на примере непродолжительного периода в истории Нижегородского университета, но при этом в той или иной форме демонстрирует черты ревизионистской историографии, преодолевающей радикальное разделение на «зарубежное»—«столичное»—«локальное» и базирующейся на принципах

исследования науки как «транснационального» проекта по производству и циркуляции знания [43].

Подводим итоги: На пути к ревизионистской революции в историографии психологии

Итак, подводим итоги. Эта статья проделала полный круг от ревизионистской революции в выготсковедении (первая часть), проиллюстрировала ее потенциал на материале одного конкретно-исторического архивного исследования (вторая часть) и наметила контуры и направления развития этой революции применительно к историографии психологии, не ограниченной выготсковедением (третья часть статьи).

Кто-то может заметить, что в этой заявленной революции нет ни новизны, ни оригинальности. Мы можем согласиться, что с определенной точки зрения это так, и сделали все возможное и в первой части статьи предоставили ссылки на фундаментальные исследования наших предшественников, на которых, в свою очередь, базируются наши исследования.

Кто-то может возразить, что такая революция в историографии русской психологии уже состоялась. Ну что ж, и с этим трудно спорить, и именно эту идею мы проводим в третьей части статьи: дух ревизионизма вырвался на свободу, и уже много более или менее разрозненных единичных исследований проведено в новом ключе. Ссылки на эти работы можно в изобилии найти в тексте.

Кто-то может прокомментировать, что многие важные работы остались без упоминания в этой статье. Готовы признать правоту этого комментария. И вправду, эта статья по своему жанру не является рефератом или обзором литературы: многие работы приведены здесь как примеры и иллюстрации, потому не следует удивляться, если та или иная важная публикация осталась за рамками данного текста.

И все же, несмотря на обилие отличных примеров высококачественных исследований, до полноценной и тотальной революции, – как это уже случилось в специальной области исследований, посвященных научному наследию Выготского и Лурии и их кругу, – в историографии русскоязычной психологии ещё далеко. Русскоязычная историография психологии в целом стоит ещё на пороге системной ревизии устаревших понятий, мифов и идеологием постперестроечной и позднесталинской поры (таких как «репрессированная наука», «особый путь» русской психологии и ее уникальная и самобытная «духовность», а также изоляционистское разделение на

«столичную», «локальную» и «зарубежную» науки) и радикальной модернизации в духе современных историографических исследований. И чем быстрее и успешнее пройдет эта модернизация базовых установок массовых историографических исследований и переоценка роли и места советской и русской психологии в психологии международной, тем быстрее и эффективнее русскоязычная наука сможет влиться в мировой психологический мейнстрим на правах равного коллективного участника транснационального диалога и интересного собеседника в нестройном хоре голосов других участников этого диалога.

Список литературы:

1. Александрова Е.А. Конференция по нейропсихологии в научной группе Л.С. Выготского (начало 1930-х гг.): результаты исследования архива А.Р. Лурии // Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2016». Секция «Психология». Подсекция «Актуальные проблемы нейропсихологии», Москва: МГУ, 2016 URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf
2. Аллахвердян А.Г., Сироткина И.Е. «Михаил Григорьевич Ярошевский – историк науки и науковед». К 100-летию со дня рождения. III Всероссийская конференция по науковедению и наукометрии // Социология науки и технологий. 2016. № 2 (7). С. 182-189.
3. Артемьева О.А. К проблеме управления и самоорганизации отечественной психологической науки в первой половине XX столетия // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Психология». 2012. № 2 (1). С. 28-35.
4. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация отечественной психологии как становление и развитие коллективного субъекта научной деятельности в первой половине XX столетия. Диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук. Москва: Институт психологии РАН, 2013.
5. Артемьева О.А. Научное сообщество как субъект научной деятельности // Психологический журнал. 2015. № 5 (36). С. 95-103.
6. Артемьева О.А. Социально-психологическая детерминация развития российской психологии в первой половине XX столетия. М.: Когито-Центр, 2015.

7. Ахутина Т.В. Комментарии к двум документам из архива А.Р.Лурии // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 71-85.
8. Байфорд Э. Загробная жизнь «науки» педологии: к вопросу о значении «научных движений» (и их истории) для современной педагогики // Преподаватель XXI век. 2013. № 1 (1). С. 43-54.
9. Байфорд Э. Память о «репрессированных науках» в истории России: случай педологии Саратов: Саратовский государственный технический университет, 2014. С. 16-29.
10. Баилова Т.А. История обучения слепоглухих детей в России. М.: Эксмо, 2015.
11. Богданчиков С.А. Забытый съезд (О Первом Всесоюзном съезде по изучению поведения человека) // Вопросы психологии. 2002. № 3. С. 89-98.
12. Богданчиков С.А. Современные отечественные авторы о научных школах в советской психологии 1920-1930-х гг. (опыт детального критического анализа) // Методология и история психологии. 2009. № 2. С. 7–31.
13. Богданчиков С.А. Проблемы изучения истории советской психологии. Саратов: Издательство СГСЭУ, 2009.
14. Ван дер Веер Р. Рукописи не горят, не так ли? // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 139-144.
15. Ван дер Веер Р., Завершнева Е. «To Moscow with love»: Реконструкция поездки Л.С. Выготского в Лондон // Вопросы психологии. 2012. № 3. С. 89-105.
16. Гайдамакина Е.В. Развитие психотерапии в России: по материалам медицинских, психиатрических и психотерапевтических съездов. Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт им. В.М. Бехтерева, 2011.
17. Гольдберг Э. «Спасибо за эти замечательные материалы – очень интересно» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 121-123.
18. Гончаров О.А. Комментарий к статье А. Ясницкого «Курт Коффка: "У узбеков ЕСТЬ иллюзий!" Заочная полемика между Лурией и Коффкой» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 26-32.
19. Дафермос М. Критический анализ принятия теории Л.С. Выготского в международном академическом сообществе // Культурно-историческая психология. 2016. № 3 (12). С. 27-46.

20. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921-1941 годы / М. Дэвид-Фокс, М.: Новое литературное обозрение, 2015.
21. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 1) // Вопросы психологии. 2008. № 1. С. 132-145.
22. Завершнева Е. Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива (часть 2) // Вопросы психологии. 2008. № 2. С. 120-136.
23. Завершнева Е. Исследование оригинала рукописи Л.С. Выготского «Исторический смысл психологического кризиса» // Вопросы психологии. 2009. № 6. С. 119–137.
24. Завершнева Е. «Ключ к психологии человека»: комментарии к блокноту Л.С. Выготского из больницы «Захарьино» (1926 г.) // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 123-141.
25. Завершнева Е. Еврейский вопрос в неопубликованных рукописях Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 79–99.
26. Завершнева Е. «Молюсь о даре душевного усилия»: мысли и настроения Л.С. Выготского накануне революции 1917 г. // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 125-142.
27. Завершнева Е., Ван дер Веер Р. Записные книжки Л.С. Выготского. Избранное. М.: Канон-Плюс, 2017.
28. Завершнева Е., Осипов М. Основные поправки к тексту «Исторический смысл психологического кризиса», опубликованному в 1982 г. в собрании сочинений Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 2010. № 1. С. 92-103.
29. Завершнева Е., Осипов М. Сравнительный анализ рукописи «(Исторический) Смысл психологического кризиса» и ее версии, опубликованной в т. 1 собрания сочинений Л.С. Выготского (1982) под редакцией М.Г. Ярошевского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3. С. 41-72.
30. Задорожнюк И.Е., Мазилев В.А., Базиков М.В. Технологии регулирования конфликтов и запрос на их социально-антропологическое моделирование: история и современность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2014. № 3. С. 35-42.
31. Замский Х.С. История олигофренопедагогики, 2-е изд. Москва: Просвещение, 1980.
32. Костригин А.А. «Работа в целом не удалась»: Дело по чистке аппарата Института экспериментальной психологии в 1930 г. (архивные материалы)

- // История российской психологии в лицах Дайджест. 2017. № 1. С. 108-138.
33. Коул М. Комментарии к предыдущим комментариям // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 128-132.
  34. Ламдан Э. У кого были иллюзии? Среднеазиатские эксперименты А.Р. Лурии с оптическими иллюзиями // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 53-65.
  35. Лурия А.Р. Письма к Л.П. Липчиной из Харькова // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 11-19.
  36. Лурия А.Р. Конспект доклада Л.С. Выготского «О сознании» // Вопросы психологии. 2014. № 6. С. 75-88.
  37. Лучков В.В., Певзнер М.С. Значение теории Л. С. Выготского для психологии и дефектологии // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 1981. № 4. С. 60-70.
  38. Мекаччи Л. Русская психология и психология и психиатрия в Италии во второй половине XX века // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 3 (5). С. 73-80.
  39. Носкова О.Г. История психологии труда в России (1917-1957). Москва: МГУ, 1997.
  40. Радзиховский Л.А. Дискуссионные проблемы марксистской теории в советской психологической науке // Вопросы психологии. 1988. № 1. С. 124-131.
  41. Ренатус. «Дело в том, что в архиве Выготского нашли поначалу только английскую версию этого текста...» // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 114-117.
  42. Стоюхина Н.Ю. Проблемы изучения истории «провинциальной психологии» // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 38 (1). С. 153-156.
  43. Стоюхина Н.Ю. Выдающиеся психологи и педагоги в Нижегородском университете (1918–1921 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2013.
  44. Стоюхина Н.Ю. Психология воздействия в советской психотехнике: 1920-1930-е гг. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016.

45. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Забытый съезд: Первый всероссийский съезд по психоневрологии // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 4 (2). С. 251–260.
46. Стоюхина Н.Ю., Мазилев В.А. Неизвестные съезды: Второй психоневрологический // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 1 (2). С. 277-287.
47. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта = Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
48. Эткин А.М. Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 13-21.
49. Эткин А.М. Ещё о Л. С. Выготском: Забытые тексты и найденные контексты // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 37–55.
50. Эткин А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. М.: Медуза, 1993.
51. Ярошевский М.Г. История психологии, 3-е изд. М.: Мысль, 1985.
52. Ярошевский М.Г. Наука о поведении: русский путь // Вопросы психологии. 1995. № 4. С. 5–18.
53. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 1996.
54. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931 – 1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3. С. 92–102.
55. Ясницкий А. Очерк истории Харьковской школы психологии: первая научная сессия Харьковского государственного педагогического института и появление «Харьковской школы психологии» (1938) // Культурно-историческая психология. 2009. № 2. С. 95-106.
56. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920-30-х гг. // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 101–112.
57. Ясницкий А. «Когда б вы знали, из какого сора...»: К определению состава и хронологии создания основных работ Выготского // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2011. № 4. С. 1-52.
58. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Ученые, «импорт-экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии. 2011. № 6. С. 108-121.

59. Ясницкий А. Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920-30-х годов // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 124-136.
60. Ясницкий А. Психология в Первой Столице: История и современность // Харьковская школа психологии: наследие и современная наука / под ред. Т.Б. Хомуленко и М.А. Кузнецова. Харьков: ХНПУ, 2012. С. 309-351.
61. Ясницкий А. Реконструкция поездки А.Р. Лурии на IX Международный психологический конгресс // Вопросы психологии. 2012. № 4. С. 86-93.
62. Ясницкий А. К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60-97.
63. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 100–112.
64. Ясницкий А. Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 66-79.
65. Ясницкий А. Курт Коффка: «У узбеков ЕСТЬ иллюзий!» Заочная полемика между Лурией и Коффкой // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3. С. 1–25.
66. Ясницкий А. Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века // Науки о человеке: история дисциплин / под ред. А.Н. Дмитриева и И.М. Савельевой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 299-329.
67. Ясницкий А. Сталинская модель науки: история и современность российской психологии // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3-4. С. 407-422.
68. Ясницкий А. «Орудие и знак в развитии ребенка»: Самая известная работа Л.С. Выготского, которую он никогда не писал // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2017.
69. Ясницкий, А. / Yasnitsky, A. N. Среднеазиатские психологические экспедиции. Хроника событий в письмах и документах / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents // Психологический журнал Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2013. № 3 (6). С. 114-166.
70. Ясницкий А., Завершнева Е. Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. С. 334-355.

71. Aguilar E. Vygotski en México: una travesía bibliográfica y otros temas breves // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 361-373.
72. Allik J. Do primitive people have illusions? // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 40-42.
73. Bourdieu P. The social conditions of the international circulation of ideas // Bourdieu: A critical reader / под ред. R. Shusterman. Oxford: Blackwell, 1999. С. 220-228.
74. Byford A. Imperial normativities and the sciences of the child: the politics of development in the USSR, 1920s-1930s // Ab imperio. 2016. № 2. С. 71-124.
75. Byford A. V. M. Bekhterev in Russian Child Science, 1900s-1920s “Objective Psychology”: “Reflexology” as a Scientific Movement // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2016. № 2 (52). С. 99-123.
76. Cohen Y. Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. № 1 (11). С. 11-45.
77. David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
78. Dufaud G., Rzesnitzek L. Soviet Psychiatry through the Prism of Circulation: The Case of Outpatient Psychiatry in the Interwar Period // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. № 4 (17). С. 781-803.
79. Feuer L.S. Freud’s Ideas in the Soviet Setting: A Meeting with Aleksandr Luriia // Slavic Review. 1987. № 1 (46). С. 106-112.
80. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky’s Victimization Narrative: A Re-Examination of the «Stalinist Suppression» of Vygotskian Theory // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 128-153.
81. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky’s victimization narrative: a re-examination of the «Stalinist suppression» of Vygotskian theory // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 50-69.
82. García L.N. El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vigotski: An historical and epistemic problem // Revista Culturas Psi / Psy Cultures. 2013. (1). С. 65-86.
83. García L.N. La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991) // Revista de Historia de la Psicología. 2015. № 2 (36). С. 7-30.
84. García L.N. Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974) // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado /

- под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 305-336.
85. García L.N. Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991) // Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / под ред. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. С. 337-359.
86. García L.N. Before the “boom”: Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935-1974) // *History of Psychology*. 2016. № 4 (19). С. 298–313.
87. Goncharov O.A. Commentary on A.Yasnitsky’s article “Kurt Koffka: ‘Uzbeks DO HAVE illusions!’ The Luria-Koffka controversy” // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 34-36.
88. Harris R. *Rationality and the Literate Mind*. New York: Routledge, 2009.
89. Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L. Toward a transnational history of the social sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 146-160.
90. Hoopes R. *Ralph Ingersoll. A Biography*. New York: Atheneum, 1985.
91. Jones P.E. From “external speech” to “inner speech” in Vygotsky: A critical appraisal and fresh perspectives // *Language and Communication*. 2009. № 2 (29). С. 166-181.
92. Kallen H.M. *Frontiers of hope*. New York: Liveright, 1929.
93. Kellogg D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 85-97.
94. Kellogg D. Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky’s “The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky’s Main Works and the Chronology of their Composition”) // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 80–81.
95. Kellogg D., Yasnitsky A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 98-158.
96. Konvitz M.R. *The Legacy of Horace M. Kallen*. London: Associated University Presses, 1987.
97. Kozulin A. *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1984.
98. Kozulin A. *Vygotsky’s psychology: A biography of ideas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
99. A. Kozulin, B. Gindis, V.S. Ageev, S.M. Miller. *Vygotsky’s educational theory in cultural context*. New York: Cambridge University Press, 2003.

100. Kozulin A. Dynamic Assessment in Search of its Identity // The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / под ред. А. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 126-147.
101. Kozulin A. Foreword: How to deconstruct deconstructions // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. xii–xvi.
102. Krementsov N. Stalinist science. Princeton: Princeton University Press, 1997.
103. Krementsov N. International Science between the World Wars: The Case of Genetics. London: Routledge, 2005.
104. Kuznick P.J. Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
105. Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria's Central Asian experiments on optical illusions // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 66-76.
106. Lamdan E., Yasnitsky A. «Back to the future»: toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation // Frontiers in Human Neuroscience. 2013. (7). С. 509.
107. Lamdan E., Yasnitsky A. Did Uzbeks have illusions? The Luria – Koffka controversy of 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 175–200.
108. Luria A.R. The nature of human conflicts. New York: Liveright, 1932.
109. Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 173-184.
110. Mecacci L., Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's «Thinking and Speech» (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2011. № 4 (4). С. 159-187.
111. Métraux A. Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe // History of the Human Sciences. 2015. № 2 (28). С. 154-172.
112. Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 43-52.
113. Proctor H. Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's «Romantic science». Диссертация на соискание ученой степени Philosophiae Doctor (Ph.D.). London: Birkbeck, University of London, 2016. URL: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>

114. Proctor H. «A Country Beyond the Pleasure Principle»: Alexander Luria, Death Drive and Dialectic in Soviet Russia, 1917-1930 // *Psychoanalysis and History*. 2016. № 2 (18). С. 155-182.
115. Schmidt S. Horace M. Kallen: Prophet of American Zionism. New York: Carlson, 1995.
116. Solomon S.G. Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. № 1 (9). С. 9-26.
117. Stern L. Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank. London & New York: Routledge, 2007.
118. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 475-493.
119. Van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. С. 143-174.
120. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer* London & New York: Routledge, 2016. С. 73-93.
121. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky's published works: a(n almost) definitive bibliography // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / Eds. А. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. С. 243-260.
122. Yasnitsky A. Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education. Ph.D. dissertation. Toronto: University of Toronto, 2009.
123. Yasnitsky A. Methodological issues of the history of Soviet psychology between the two world wars: case study of Vygotsky Circle // *XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context*. Budapest, 2009.
124. Yasnitsky A. “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives // *Journal of the Russian and East European Psychology*. 2010. № 1 (48). С. 3-13.
125. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 422-457.

126. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. № 4 (50). С. 3-15.
127. Yasnitsky A. Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 27-49.
128. Yasnitsky A. The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the «Stalinist science» of our days // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / Eds. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 3-26.
129. Yasnitsky A. A transnational history of «the beginning of a beautiful friendship»: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / Eds. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 201-226.
130. Yasnitsky A., R. Van der Veer, E. Aguilar, L.N. García. *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016.
131. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 119-145.
132. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // *History of Psychology*. 2008. № 2 (11). С. 101-121.
133. Yasnitsky A., Van der Veer R. *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies*. London & New York: Routledge, 2016.
134. Zavershneva E. Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology" // *Journal of Russian and East European Psychology*. 2012. № 4 (50).
135. Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology* / под ред. А. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. С. 63-97.
136. Zavershneva E. Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934) // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 94-126.

137. Zavershneva E. «The way to freedom»: Vygotsky in 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / под ред. А. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. С. 127-140.
138. Zavershneva E., Van der Veer R. Vygotsky's Notebooks. A Selection / E. Zavershneva, R. Van der Veer, New York: Springer, 2017.
139. Zhang R. Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship. Диссертация на соискание ученой степени Philosophiae Doctor (Ph.D.). Pokfulam: The University of Hong Kong. URL: http://dx.doi.org/10.5353/th_b51947652013.

References:

1. Aleksandrova E.A. Konferencija po nejropsihologii v nauchnoj gruppe L.S. Vygotskogo (nachalo 1930-h gg.): rezul'taty issledovanija arhiva A.R. Lurii // Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija studentov, aspirantov i molodyh uchjonyh «Lomonosov-2016». Sekcija «Psihologija». Podsekcija «Aktual'nye problemy nejropsihologii», Moskva: MGU, 2016 URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8477/uid102037_report.pdf
2. Allahverdjan A.G., Sirotkina I.E. «Mihail Grigor'evich Jaroshevskij — istorik nauki i naukoved». K 100-letiju so dnja rozhdenija. III Vserossijskaja konferencija po naukovedeniju i naukometrii // Sociologija nauki i tehnologij. 2016. № 2 (7). С. 182–189.
3. Artem'eva O.A. K probleme upravlenija i samoorganizacii otechestvennoj psihologicheskoj nauki v pervoj polovine HH stoletija // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Psihologija». 2012. № 2 (1). С. 28–35.
4. Artem'eva O.A. Social'no-psihologičeskaja determinacija otechestvennoj psihologii kak stanovlenie i razvitie kollektivnogo sub#ekta nauchnoj dejatel'nosti v pervoj polovine HH stoletija. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni doktora psihologičeskikh nauk. Moskva: Institut psihologii RAN, 2013.
5. Artem'eva O.A. Nauchnoe soobshhestvo kak sub#ekt nauchnoj dejatel'nosti // Psihologičeskij zhurnal. 2015. № 5 (36). С. 95–103.
6. Artem'eva O.A. Social'no-psihologičeskaja determinacija razvitija rossijskoj psihologii v pervoj polovine HH stoletija. M.: Kogito-Centr, 2015.
7. Ahutina T.V. Kommentarii k dvum dokumentam iz arhiva A.R.Lurii // Voprosy psihologii. 2012. № 4. С. 71–85.

8. Bajford Je. Zagrobnaja zhizn' «nauki» pedologii: k voprosu o znachenii «nauchnyh dvizhenij» (i ih istorii) dlja sovremennoj pedagogiki // Prepodavatel' XXI vek. 2013. № 1 (1). С. 43–54.
9. Bajford Je. Pamjat' o «repressirovannyh nauah» v istorii Rossii: sluchaj pedologii Saratov: Saratovskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2014. S. 16–29.
10. Basilova T.A. Istorija obuchenija slepogluhih detej v Rossii. M.: Jeksmo, 2015.
11. Bogdanchikov S.A. Zabytyj s#ezd (O Pervom Vsesojuznom s#ezde po izucheniju povedenija cheloveka) // Voprosy psihologii. 2002. № 3. С. 89–98.
12. Bogdanchikov S.A. Sovremennye otechestvennye avtory o nauchnyh shkolah v sovetskoj psihologii 1920–1930-h gg. (opyt detal'nogo kritičeskogo analiza) // Metodologija i istorija psihologii. 2009. № 2. С. 7–31.
13. Bogdanchikov S.A. Problemy izuchenija istorii sovetskoj psihologii. Saratov: Izdatel'stvo SGSJeU, 2009.
14. Van der Veer R. Rukopisi ne gorjat, ne tak li? // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 139–144.
15. Van der Veer R., Zavershneva E. «To Moscow with love»: Rekonstrukcija poezdki L.S. Vygotskogo v London // Voprosy psihologii. 2012. № 3. С. 89–105.
16. Gajdamakina E.V. Razvitie psihoterapii v Rossii: po materialam medicinskih, psihiatricheskikh i psihoterapicheskikh s#ezdov. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata medicinskih nauk. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij nauchno-issledovatel'skij psihonevrologičeskij institut im. V.M. Behtereva, 2011.
17. Gol'dberg Je. «Spasibo za jeti zamechatel'nye materialy – ochen' interesno» // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 121–123.
18. Goncharov O.A. Kommentarij k stat'e A. Jasnickogo «Kurt Koffka: »U uzbekov EST" illjuzij!« Zaochnaja polemika mezhdu Luriej i Koffkoj» // Psihologičeskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 26–32.
19. Dafermos M. Kritičeskij analiz prinjatija teorii L.S. Vygotskogo v mezhdunarodnom akademičeskom soobshhestve // Kul'turno-istoričeskaja psihologija. 2016. № 3 (12). С. 27–46.
20. Djevid-Foks M. Vitriiny velikogo jeksperimenta. Kul'turnaja diplomatija Sovetskogo Sojuza i ego zapadnye gosti, 1921—1941 gody / M. Djevid-Foks, M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015.

21. Zavershneva E. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovanija semejnogo arhiva (chast' 1) // Voprosy psihologii. 2008. № 1. С. 132—145.
22. Zavershneva E. Zapisnye knizhki, zametki, nauchnye dnevniki L.S. Vygotskogo: rezul'taty issledovanija semejnogo arhiva (chast' 2) // Voprosy psihologii. 2008. № 2. С. 120—136.
23. Zavershneva E. Issledovanie originala rukopisi L.S. Vygotskogo «Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa» // Voprosy psihologii. 2009. № 6. С. 119—137.
24. Zavershneva E. «Kljuch k psihologii cheloveka»: kommentarii k bloknotu L.S. Vygotskogo iz bol'nicy «Zahar'ino» (1926 g.) // Voprosy psihologii. 2009. № 3. С. 123—141.
25. Zavershneva E. Evrejskij vopros v neopublikovannyh rukopisjah L.S. Vygotskogo // Voprosy psihologii. 2012. № 2. С. 79—99.
26. Zavershneva E. «Moljus' o dare dushevnoho usilija»: mysli i nastroyenija L.S. Vygotskogo nakanune revoljucii 1917 g. // Voprosy psihologii. 2013. № 3. С. 125—142.
27. Zavershneva E., Van der Veer R. Zapisnye knizhki L.S. Vygotskogo. Izbrannoe. M.: Kanon-Pljus, 2017.
28. Zavershneva E., Osipov M. Osnovnye popravki k tekstu «Istoricheskij smysl psihologicheskogo krizisa», opublikovannomu v 1982 g. v sobranii sochinenij L.S. Vygotskogo // Voprosy psihologii. 2010. № 1. С. 92—103.
29. Zavershneva E., Osipov M. Sravnitel'nyj analiz rukopisi «(Istoricheskij) Smysl psihologicheskogo krizisa» i ee versii, opublikovannoj v t. 1 sobranija sochinenij L.S. Vygotskogo (1982) pod redakciej M.G. Jaroshevskogo // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 3. С. 41—72.
30. Zadorozhnjuk I.E., Mazilov V.A., Bazikov M.V. Tehnologii regulirovanija konfliktov i zapros na ih social'no-antropologicheskoe modelirovanie: istorija i sovremennost' // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija «Filosofija. Psihologija. Pedagogika». 2014. № 3. С. 35—42.
31. Zamskij H.S. Istorija oligofrenopedagogiki, 2-e izd. Moskva: Prosveshhenie, 1980.
32. Kostrigin A.A. «Rabota v celom ne udalas!»: Delo po chistke apparata Instituta jeksperimental'noj psihologii v 1930 g. (arhivnye materialy) // Istorija rossijskoj psihologii v licah Dajdzhest. 2017. № 1. С. 108—138.
33. Koul M. Kommentarii k predydushhim kommentarijam // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 128—132.

34. Lamdan Je. U kogo byli illjuzii? Sredneaziatskie jeksperimenty A.R. Lurii s opticheskimi illjuzijami // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 53–65.
35. Lurija A.R. Pis'ma k L.P. Lipchinoj iz Har'kova // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2012. № 2. С. 11–19.
36. Lurija A.R. Konspekt doklada L.S. Vygotskogo «O soznanii» // Voprosy psihologii. 2014. № 6. С. 75–88.
37. Luchkov V.V., Pevzner M.S. Znachenie teorii L. S. Vygotskogo dlja psihologii i defektologii // Vestnik MGU. Serija 14. Psihologija. 1981. № 4. С. 60–70.
38. Mekachchi L. Russkaja psihologija i psihologija i psihiatrija v Italii vo vtoroj polovine HH veka // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 3 (5). С. 73–80.
39. Noskova O.G. Istorija psihologii truda v Rossii (1917-1957). Moskva: MGU, 1997.
40. Radzihovskij L.A. Diskussionnye problemy marksistskoj teorii v sovetskoj psihologicheskoj nauke // Voprosy psihologii. 1988. № 1. С. 124—131.
41. Renatus. «Delo v tom, chto v arhive Vygotskogo nashli ponachalu tol'ko anglijskuju versiju jetogo teksta...» // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 114–117.
42. Stojuhina N.Ju. Problemy izuchenija istorii «provincial'noj psihologii» // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2013. № 38 (1). С. 153–156.
43. Stojuhina N.Ju. Vydajushhiesja psihologi i pedagogi v Nizhegorodskom universitete (1918–1921 gg.). Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2013.
44. Stojuhina N.Ju. Psihologija vozdejstvija v sovetskoj psihotehnike: 1920-1930-e gg. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2016.
45. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Zabytyj s#ezd: Pervyj vserossijskij s#ezd po psihonevrologii // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2013. № 4 (2). С. 251–260.
46. Stojuhina N.Ju., Mazilov V.A. Neizvestnye s#ezdy: Vtoroj psihonevrologicheskij // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2014. № 1 (2). С. 277–287.
47. Flek L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta = Entstehung und Entwicklung einer wissenschaftlichen Tatsache: Einführung in die Lehre vom Denkstil und Denkkollektiv. Moskva: Ideja-Press, Dom intellektual'noj knigi, 1999.
48. Jetkind A.M. Obshhestvennaja atmosfera i individual'nyj put' uchenogo: opyt prikladnoj psihologii 20-h godov // Voprosy psihologii. 1990. № 5. С. 13–21.

49. Jetkind A.M. Eshhjo o L. S. Vygotskom: Zabytye teksty i nenajdennye konteksty // Voprosy psihologii. 1993. № 4. С. 37–55.
50. Jetkind A.M. Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii. M.: Meduza, 1993.
51. Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii, 3-e izd. M.: Mysl', 1985.
52. Jaroshevskij M.G. Nauka o povedenii: russkij put' // Voprosy psihologii. 1995. № 4. С. 5–18.
53. Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii. Ot antichnosti do serediny XX veka. Uchebnoe posobie dlja vysshih uchebnyh zavedenij. M.: Izdatel'skij centr «Akademija», 1996.
54. Jasnckij A. Oчерк istorii Har'kovskoj shkoly psihologii: period 1931 — 1936 gg. // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2008. № 3. С. 92–102.
55. Jasnckij A. Oчерк istorii Har'kovskoj shkoly psihologii: pervaja nauchnaja sessija Har'kovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta i pojavlenie «Har'kovskoj shkoly psihologii » (1938) // Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2009. № 2. С. 95–106.
56. Jasnckij A. Ob izoljacionizme sovetskoj psihologii: zarubezhnye konferencii 1920-30-h gg. // Voprosy psihologii. 2010. № 3. С. 101–112.
57. Jasnckij A. «Kogda b vy znali, iz kakogo sora...»: K opredeleniju sostava i hronologii sozdanija osnovnyh rabot Vygotskogo // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2011. № 4. С. 1–52.
58. Jasnckij A. Izoljacionizm sovetskoj psihologii? Uchenye, «import-jeksport» v nauke i vlast' // Voprosy psihologii. 2011. № 6. С. 108–121.
59. Jasnckij A. Ob izoljacionizme sovetskoj psihologii: nauchnye publikacii 1920-30-h godov // Voprosy psihologii. 2011. № 1. С. 124–136.
60. Jasnckij A. Psihologija v Pervoj Stolice: Istorija i sovremennost' // Har'kovskaja shkola psihologii: nasledie i sovremennaja nauka / pod red. T.B. Homulenko i M.A. Kuznecova. Har'kov: HNPU, 2012. S. 309–351.
61. Jasnckij A. Rekonstrukcija poezdki A.R. Lurii na IX Mezhdunarodnyj psihologicheskij kongress // Voprosy psihologii. 2012. № 4. С. 86–93.
62. Jasnckij A. K istorii kul'turno-istoricheskoi geshtal'tpsihologii: Vygotskij, Lurija, Koffka, Levin i dr. // Psihologicheskij zhurnal Mezhdunarodnogo universiteta prirody, obshhestva i cheloveka «Dubna». 2012. № 1. С. 60–97.
63. Jasnckij A. Izoljacionizm sovetskoj psihologii? Neformal'nye lichnye svjazi uchenykh, mezhdunarodnye posredniki i «import» psihologii // Voprosy psihologii. 2012. № 1. С. 100–112.

64. Jasnckij A. Izoljacionizm sovetsoj psihologii? Intellektual'naja istorija kak migracija, transformacija i cirkuljacija idej // Voprosy psihologii. 2012. № 2. С. 66–79.
65. Jasnckij A. Kurt Koffka: «U uzbekov EST" illjuzij!» Zaochnaja polemika mezhdju Luriej i Koffkoj // Psihologičeskij zhurnal Mezhduнародного университета природы, obshhestva i čeloveka «Dubna». 2013. № 3. С. 1–25.
66. Jasnckij A. Disciplinarnoe stanovlenie russkoj psihologii pervoj poloviny HH veka // Nauki o čeloveke: istorija disciplin / pod red. A.N. Dmitrieva i I.M. Savel'evoj. M.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2015. S. 299–329.
67. Jasnckij A. Stalinskaja model' nauki: istorija i sovremennost' rossijskoj psihologii // PEM: Psychology. Educology. Medicine. 2015. № 3–4. С. 407–422.
68. Jasnckij A. «Orudie i znak v razvitii rebenka»: Samaja izvestnaja rabota L.S. Vygot'skogo, kotoruju on nikogda ne pisal // Psihologija. Zhurnal Vysšej shkoly jekonomiki. 2017.
69. Jasnckij, A. / Yasnitsky, A. H. Sredneaziatskie psihologičeskie jekspedicii. Hronika sobytij v pis'mah i dokumentah / Psychological expeditions of 1931-1932 to Central Asia. Chronicle of events in letters and documents // Psihologičeskij zhurnal Mezhduнародного университета природы, obshhestva i čeloveka «Dubna». 2013. № 3 (6). С. 114–166.
70. Jasnckij A., Zavershneva E. Ob arhetipe sovetsoj psihologii kak nauchnoj discipliny i social'noj praktiki // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. № 100. С. 334–355.
71. Aguilar E. Vygot'ski en México: una travesia bibliográfica y otros temas breves // Vygot'ski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 361–373.
72. Allik J. Do primitive people have illusions? // PsyAnima, Dubna Psychological Journal. 2013. № 3 (6). С. 40–42.
73. Bourdieu P. The social conditions of the international circulation of ideas // Bourdieu: A critical reader / pod red. R. Shusterman. Oxford: Blackwell, 1999. S. 220–228.
74. Byford A. Imperial normativities and the sciences of the child: the politics of development in the USSR, 1920s-1930s // Ab imperio. 2016. № 2. С. 71–124.
75. Byford A. V. M. Bekhterev in Russian Child Science, 1900s-1920s “Objective Psychology”: “Reflexology” as a Scientific Movement // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2016. № 2 (52). С. 99–123.
76. Cohen Y. Circulatory localities: The example of Stalinism in the 1930s // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2010. № 1 (11). С. 11–45.

77. David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921-1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.
78. Dufaud G., Rzesnitzek L. Soviet Psychiatry through the Prism of Circulation: The Case of Outpatient Psychiatry in the Interwar Period // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. № 4 (17). С. 781–803.
79. Feuer L.S. Freud's Ideas in the Soviet Setting: A Meeting with Aleksandr Luriiia // *Slavic Review*. 1987. № 1 (46). С. 106–112.
80. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's Victimization Narrative: A Re-Examination of the «Stalinist Suppression» of Vygotskian Theory // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 128–153.
81. Fraser J., Yasnitsky A. Deconstructing Vygotsky's victimization narrative: a re-examination of the «Stalinist suppression» of Vygotskian theory // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. S. 50–69.
82. García L.N. El redescubrimiento de Vigotski. Un problema histórico y epistémico/The rediscovery of Vigotski: An historical and epistemic problem // *Revista Culturas Psi / Psy Cultures*. 2013. (1). С. 65–86.
83. García L.N. La «canonización» de Vigotski en España y Argentina (1978-1991) // *Revista de Historia de la Psicología*. 2015. № 2 (36). С. 7–30.
84. García L.N. Versiones tempranas de Vygotski: su recepción en la Argentina (1935-1974) // *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 305–336.
85. García L.N. Hacia el canon: Vygotski en España y Argentina (1978-1991) // *Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, E. Aguilar, & L. N. García*. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016. S. 337–359.
86. García L.N. Before the “boom”: Readings and uses of Vygotsky in Argentina (1935–1974) // *History of Psychology*. 2016. № 4 (19). С. 298–313.
87. Goncharov O.A. Commentary on A.Yasnitsky's article “Kurt Koffka: ‘Uzbeks DO HAVE illusions!’ The Luria-Koffka controversy” // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 34–36.
88. Harris R. *Rationality and the Literate Mind*. New York: Routledge, 2009.
89. Heilbron J., Guilhot N., Jeanpierre L. Toward a transnational history of the social sciences // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2008. № 2 (44). С. 146–160.
90. Hoopes R. *Ralph Ingersoll. A Biography*. New York: Atheneum, 1985.

91. Jones P.E. From “external speech” to “inner speech” in Vygotsky: A critical appraisal and fresh perspectives // *Language and Communication*. 2009. № 2 (29). С. 166–181.
92. Kallen H.M. *Frontiers of hope*. New York: Liveright, 1929.
93. Kellogg D. Untangling a genetic root of Thinking and Speech: Towards a textology of Tool and Sign in Child Development // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 85–97.
94. Kellogg D. Which is (more) original, and Does either version really matter? (A comment on A. Yasnitsky’s “The Vygotsky That We (Do Not) Know: Vygotsky’s Main Works and the Chronology of their Composition”) // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 80–81.
95. Kellogg D., Yasnitsky A. The differences between the Russian and English texts of Tool and Sign in Child Development. Supplementary and analytic materials // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 98–158.
96. Konvitz M.R. *The Legacy of Horace M. Kallen*. London: Associated University Presses, 1987.
97. Kozulin A. *Psychology in Utopia: Toward a Social History of Soviet Psychology*. Cambridge, MA: MIT Press, 1984.
98. Kozulin A. *Vygotsky’s psychology: A biography of ideas*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
99. A. Kozulin, B. Gindis, V.S. Ageev, S.M. Miller. *Vygotsky’s educational theory in cultural context*. New York: Cambridge University Press, 2003.
100. Kozulin A. *Dynamic Assessment in Search of its Identity* // *The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari*, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. S. 126–147.
101. Kozulin A. Foreword: How to deconstruct deconstructions // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer*. London & New York: Routledge, 2016. S. xii–xvi.
102. Krementsov N. *Stalinist science*. Princeton: Princeton University Press, 1997.
103. Krementsov N. *International Science between the World Wars: The Case of Genetics*. London: Routledge, 2005.
104. Kuznick P.J. *Beyond the laboratory: Scientists as political activists in 1930s America*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
105. Lamdan E. Who had illusions? Alexander R. Luria’s Central Asian experiments on optical illusions // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 66–76.

106. Lamdan E., Yasnitsky A. «Back to the future»: toward Luria's holistic cultural science of human brain and mind in a historical study of mental retardation // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2013. (7). С. 509.
107. Lamdan E., Yasnitsky A. Did Uzbeks have illusions? The Luria—Koffka controversy of 1932 // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 175–200.
108. Luria A.R. *The nature of human conflicts*. New York: Liveright, 1932.
109. Mecacci L. Vygotsky's reception in the West: The Italian case between Marxism and communism // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 173–184.
110. Mecacci L., Yasnitsky A. Editorial changes in the three Russian editions of Vygotsky's «Thinking and Speech» (1934, 1956, 1982): Towards authoritative and ultimate English translation of the book // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2011. № 4 (4). С. 159–187.
111. Métraux A. Lev Vygotsky as seen by someone who acted as a go-between between eastern and western Europe // *History of the Human Sciences*. 2015. № 2 (28). С. 154–172.
112. Proctor H. Kurt Koffka and the Expedition to Central Asia // *PsyAnima, Dubna Psychological Journal*. 2013. № 3 (6). С. 43–52.
113. Proctor H. *Revolutionary thinking: A theoretical history of Alexander Luria's «Romantic science»*. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni Philosophiae Doctor (Ph.D.). London: Birkbeck, University of London, 2016. URL: <http://bbktheses.da.ulcc.ac.uk/186/>.
114. Proctor H. «A Country Beyond the Pleasure Principle»: Alexander Luria, Death Drive and Dialectic in Soviet Russia, 1917–1930 // *Psychoanalysis and History*. 2016. № 2 (18). С. 155–182.
115. Schmidt S. *Horace M. Kallen: Prophet of American Zionism*. New York: Carlson, 1995.
116. Solomon S.G. Circulation of knowledge and Russian locale // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2008. № 1 (9). С. 9–26.
117. Stern L. *Western Intellectuals and the Soviet Union, 1920-40: From Red Square to the Left Bank*. London & New York: Routledge, 2007.
118. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky in English: What still needs to be done // *Integrative Psychological and Behavioral Science*. 2011. № 4 (45). С. 475–493.
119. Van der Veer R., Yasnitsky A. Translating Vygotsky: some problems of transnational Vygotskian science // *Revisionist Revolution in Vygotsky Studies* /

- pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 143–174.
120. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky the published: who wrote Vygotsky and what Vygotsky actually wrote // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer London & New York: Routledge, 2016. S. 73–93.
121. Van der Veer R., Yasnitsky A. Vygotsky's published works: a(n almost) definitive bibliography // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer London & New York: Routledge, 2016. S. 243–260.
122. Yasnitsky A. Vygotsky Circle during the Decade of 1931-1941: Toward an Integrative Science of Mind, Brain, and Education. Ph.D. dissertation. Toronto: University of Toronto, 2009.
123. Yasnitsky A. Methodological issues of the history of Soviet psychology between the two world wars: case study of Vygotsky Circle // XXIII International Congress of History of Science and Technology. Ideas and Instruments in Social Context. Budapest, 2009.
124. Yasnitsky A. “Archival revolution” in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's archives // Journal of the Russian and East European Psychology. 2010. № 1 (48). С. 3–13.
125. Yasnitsky A. Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas // Integrative Psychological and Behavioral Science. 2011. № 4 (45). С. 422–457.
126. Yasnitsky A. Revisionist revolution in Vygotskian science: Toward cultural-historical Gestalt psychology. Guest editor's introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. № 4 (50). С. 3–15.
127. Yasnitsky A. Unity in diversity: Vygotsky-Luria Circle as an informal personal network of scholars // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 27–49.
128. Yasnitsky A. The archetype of Soviet psychology: From Stalinism of the 1930s to the «Stalinist science» of our days // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 3–26.
129. Yasnitsky A. A transnational history of «the beginning of a beautiful friendship»: the birth of cultural-historical Gestalt psychology of Alexander Luria, Kurt Lewin, Lev Vygotsky, and others // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 201–226.

130. Yasnitsky A., R. Van der Veer, E. Aguilar, L.N. García. Vygotski revisitado: una historia crítica de su contexto y legado. Buenos Aires: Miño y Dávila Editores, 2016.
131. Yasnitsky A., Ferrari M. From Vygotsky to Vygotskian psychology: Introduction to the history of the Kharkov school // Journal of the History of the Behavioral Sciences. 2008. № 2 (44). С. 119–145.
132. Yasnitsky A., Ferrari M. Rethinking the early history of post-Vygotskian psychology: the case of the Kharkov school // History of Psychology. 2008. № 2 (11). С. 101–121.
133. Yasnitsky A., Van der Veer R. Revisionist Revolution in Vygotsky Studies. London & New York: Routledge, 2016.
134. Zavershneva E. Investigating the manuscript of L.S. Vygotsky's "The historical meaning of the crisis in psychology" // Journal of Russian and East European Psychology. 2012. № 4 (50).
135. Zavershneva E. The Problem of Consciousness in Vygotsky's Cultural-Historical Psychology // The Cambridge handbook of cultural-historical psychology / pod red. A. Yasnitsky, R. Van der Veer, M. Ferrari, Cambridge: Cambridge University Press, 2014. S. 63–97.
136. Zavershneva E. Vygotsky the unpublished: an overview of the personal archive (1912-1934) // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 94–126.
137. Zavershneva E. «The way to freedom»: Vygotsky in 1932 // Revisionist Revolution in Vygotsky Studies / pod red. A. Yasnitsky & R. Van der Veer. London & New York: Routledge, 2016. S. 127–140.
138. Zavershneva E., Van der Veer R. Vygotsky's Notebooks. A Selection / E. Zavershneva, R. Van der Veer, New York: Springer, 2017.
139. Zhang R. Rethinking Vygotsky: A Critical Reading of Vygotsky's Cultural-Historical Theory and Its Appropriation in Contemporary Scholarship. Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni Philosophiae Doctor (Ph.D.). Pokfulam: The University of Hong Kong. URL: http://dx.doi.org/10.5353/th_b51947652013.

Сведения об авторах:

Ясницкий Антон, неаффилированный исследователь (Торонто, Канада);

Ламдан Эли, аспирант, Программа по Истории, Философии и Социологии Наук, Еврейский Университет в Иерусалиме и Израильское Интер-университетское Сотрудничество по исследованию России и Восточной Европы (Израиль).